

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 0.70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 12 (344)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Caquot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Июня 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: В борьбе против единодержавия.
П. Гарви. «Мирное» завоевание Китая.
А. Югов. Гибнущий единоличник.
Ф. Дан. Смерть А. С. Мартынова.
Партийная трибуна: П. Гарви. О задачах российской социал-демократии.

Заграницей: Съезд французской социалистической партии. — Итальянские социалисты о международной классовой политике.

По России: Миллион терзаний американского коммуниста. Издания, поступившие в редакцию.
Почтовый ящик.

Фельетон: Б. Н.—ский. Современный антисемитизм и «Протоколы Сионских Мудрецов».

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЕДИНОДЕРЖАВИЯ

7 июня пленум ЦК ВКП принял постановление о «выводе из состава ЦК» и об исключении из партии Авеля Енукидзе, бывшего чуть не с самого основания советской республики бессменным секретарем Центрального Исполнительного Комитета. Причина — «политическое и бытовое разложение» опального ныне вельможи. И, как водится, все казенные писаки, ораторы, сочинители резолюций немедленно-же обратили стрелы своего негодования против поверженного кумира.

Однако, сколько ни переворачивать эти злобные писания, ничего, кроме повторения все тех же самых фраз о «разложившемся, переродившемся, меньшевистствующем» Енукидзе, в них не найти. Ни одного конкретного факта, который приподнял бы завесу над «махровой обывательщиной и распушенностью» Енукидзе. Ни одного имени, которое свидетельствовало бы об его «прямом покровительстве чуждым элементам» и «засорении» ими «служебного аппарата ЦИК». Ни одной иллюстрации к «полному игнорированию интересов партии и революции». Словом, ни одного вразумительно-го доказательства «тягчайших преступлений Енукидзе». Такие доказательства, разумеется, не нужны тем «безлести преданным», которые ведут ныне травлю павшего. Но со стороны без этих доказательств как-то трудно поверить, чтобы именно АVELЬ Енукидзе оказался сосудом всяческой скверны среди блистающих добродетелью братьевъ Каинов, так очевидно пресмыкающихся перед всяким властью имущим и так охотно лягающих своими копытами всех, впадающих в немилость.

Но оставим это. Интересен в расправе с Енукидзе другой момент. Ведь, расправа эта началась не с 7 июня. Раньше, чем Енукидзе был «выведен» из ЦК и исключен из партии, он был «выведен» из секретариата ЦИК и назначен — в «почетную ссылку», председателем ЦИК'а закавказских республик. Есть даже некоторые основания думать, что более крутые меры приняты против него именно потому, что он отказался ехать к месту нового и для «простого народа» по видимости столь почетного назначения и, вопреки всем предписаниям, оставался в Москве. Но, как бы то ни было, этот эпизод достаточно характеризует цену той добродетели, которая ныне такой обильной слюной брызжет на пороки Енукидзе. За «махровую распушенность и разложение», за «полное игнорирование интересов революции», за совершенные им «тягчайшие преступления» человека хотели посадить на пост, на котором простики всего мира славословили бы его, как любимейшего представителя и вождя миллионов трудящегося кавказского населения, на котором каждое слово его встречалось бы «бурными овациями» и каждое появление на трибуне приветствовалось «вставанием» и «пением Интернационала!» Мы не вхожи в кремлевские дворцы и палаты, и потому нам неизвестно, насколько действительно «разложился» политически и обывательски Енукидзе. Но на разложение, распушенность, «наплевательское» отношение к интересам партии и революции того режима, который процветает ныне под гениальным водительством Сталина, этот эпизод с назна-

чением «тягчайшего преступника» наместником советского Кавказа бросает во всяком случае недвусмысленный свет. И он в то же время дает право думать, что не «махровая обывательщина» послужила причиной расправы с еще одним из старой гвардии большевизма, что «не в шитье была тут сила»!

Московские корреспонденты некоторых иностранных газет сообщают, что Енукидзе не только исключен из партии, но и арестован. Это, разумеется, более, чем вероятно. Но те же корреспонденты прибавляют, что причиной постигшей его кары является его причастность к «заговору», организованному «старыми большевиками» и имевшему целью смену партийного руководства, т. е. все того же незаменимого, непогрешимого и гениального Сталина. Возглавительницей заговора корреспонденты считают Зосю Уншлихт, об аресте которой сообщала и наша корреспонденция в прошлом номере, а в числе участников его называют ряд большевиков, и в нашем сообщении указанных в качестве арестованных.

Признаться, все, что до сих пор было известно о характере и деятельности Енукидзе на том высоком посту, который он занимал свыше полутора десятилетий, делает его участие в каком бы то ни было «заговоре» против «вышей власти» совершенно невероятным. Человек культурный, мягкий и добрый по натуре (теперь уже разоблачением этого «тягчайшего преступления» его ему вряд ли можно повредить!), Енукидзе, конечно, лишь скрепя сердце мирился с теми человековредительскими мероприятиями вождя вождей, исполнителем которых ему часто приходилось быть. Но он с ними мирился и свое внутреннее отталкивание от них глубоко запрятывал в никому неизвестных тайниках своей души. Ибо в сонме большевистских сановников он принадлежал скорее всего к типу «ласковых телят», умевших приспособляться ко всем семеркам, пятеркам, четверкам, тройкам и вплоть до сталинской «единицы», которые поочередно сменяли друг друга у кормила диктатуры после смерти Ленина. Енукидзе в роли «заговорщика» — это картина, ни с чем несообразная! Но можно не без основания усомниться и в существовании какого-бы то ни было «старо-большевистского» заговора вообще. Едва ли в этой среде, которая воплощает собою революционно-социалистические традиции большевизма, но большинство членов которой долготелными земными поклонами перед сверхдиктатором давно переломили свой становой хребет и превратились политически в живые мощи большевизма, — едва ли в этой среде может найтись еще достаточно действенной энергии для какого-бы то ни было «заговора», сколько бы Сталин и его подручные, в оправдание своего террора, ни декламировали о «револьверах», якобы направленных в их «сердце».

Но дыма без огня не бывает. И не трудно понять источник этого дыма, если вспомнить, что, в качестве задачи «заговора», все корреспонденты единогласно указывают желание — скинуть Сталина. Это желание, несомненно, существует и все решительнее нарастает — отнюдь не только среди «старых большевиков». Чем больше создаются материальные предпосылки для сколько-нибудь упорядоченной жизни, тем невыносимее становится — и опять-таки отнюдь не для одних лишь старых большевиков — тупой, бездушный, все давящий и всех нивелирующий гнет единоличной сталинской диктатуры. Нет никакого «заговора», но внутреннее противодействие этому гнету, пусть пока пассивно, но стихийно прорывается во всей жизнедеятельности советского общества, во всех слоях его — настроенных революционно - социалистически так же, как настроенных контр-революционно.

Это сопротивление живого общественного организма налагаемым на него единоличной диктатурой колод-

кам сказывается уже в том, что Сталину впервые приходится открыто бороться за сохранение этой диктатуры. Нельзя не видеть определенного «социального заказа» командующей им прессе в тех нечеловеческих усилиях, которые она употребляет, чтобы с каждым днем все больше, до потери сознания, оглушать читателей именем вождя вождей, учетверять и удесятеть шумную рекламу вокруг этого имени. Любая статья представляет собою не что иное, как пережевывание слов Сталина, по большей части поражающих своею плоскостью и ординарностью, но выдаваемых за недостижимые высоты человеческого гения. Всякая историческая дата служит новым предлогом для грубейшей фальсификации истории в целях его возвеличения, и старые корявые статьи его перепечатаются в назидание новым поколениям. Мало оказывается печатать ежедневно один портрет его: каждый день читатели должны созерцать божественный лик в двух или трех изображениях. И весь словарь низкопоклонства, подхалимства и грубейшей лести оказывается недостаточным, чтобы положить к «подножию ног» диктатора обуревающие его одописцев чувства. Не надо заблуждаться: эти буйные эксцессы славословия свидетельствуют не о прочности сталинского единодержавия, не об его уверенности в себе, а, наоборот, о том, что устои его колеблются. Верноподданические чувства приходится поддерживать вспыскиваниями все больших доз камфоры.

Но и всего сверх-человеческого усердия служащих оказывается мало. Диктатору самому приходится спуститься с олимпийских высот секретариата партии, в таинственной тени которых он так охотно пребывал, сваливая на «головотяпство» исполнителей все свои ошибки и преступления. Он выходит «в народ», принимает депутации и милостиво беседует с ними. Он, в качестве члена президиума ЦИК, начинает принимать непосредственное участие в государственно - административных делах и становится председателем комиссии по реформе избирательного права. Опасаясь концентрации враждебных ему сил в советском аппарате, он приступает к назначению на самые ответственные посты в этом аппарате своих ближайших сотрудников по ЦК партии и, быть может, в замещении Енукидзе — по своей должности так интимно связанного с Калининым и Молотовым — одним из секретарей ЦК не остались без влияния соображения, сыгравшие известную роль в назначении Кагановича Наркомом пути или другого секретаря ЦК председателем Ленинградского Исполкома на место убитого Кирова. Впервые, наконец, Сталин начинает принимать иностранных дипломатов и даже, как то было в случае с Лавалем, делать самые ответственные заявления от своего собственного имени. Защищая свое единодержавие, небожитель вынужден спуститься на грешную землю. Но такой спуск всегда бывает опасен для небожителей. Трудно сохранить народу «религию Сталина», если ему разрешается видеть Сталина не в его мистически - преображенную, а в его натуральную величину, и если Сталин вынужден к тому же на себя самочинно принимать ответственность за свои деяния!

Став подлинным коммунистическим «самодержцем», Сталин стал тем самым (пользуемся словами, сказанными когда-то некстати Троцким в применении к Керенскому) «математической точкой» напора всех исторических сил, с этим самодержавием не мирящихся. Создается положение, при котором ликвидация сталинского единодержавия или, говоря конкретнее, снятие Сталина с поста, на котором он единодержавствует, падение Сталина становится неперемным условием дальнейшего развития советской жизни. И создается в то же время положение, при котором самое падение это может стать источником величайших опасностей для револю-

ции. Ибо, как уже отмечено, напор на сталинское еди-
нодержавие идет одновременно и с революционно-со-
циалистической, и с контр-революционной стороны. По-
скольку же «математической точкой» политической
борьбы становится личность диктатора, шансы
контр - революционной развязки кризиса значительно
повышаются, потому что сама политическая борьба в
этих условиях легко превращается в борьбу за власть
лиц и клик в ближайшем окружении самого диктатора.
Насколько же сам Сталин в борьбе за свое единодер-
жавие успел политически разложить и морально выхо-
лостить свое ближайшее окружение, — это можно бу-

дет, вероятно, вполне оценить лишь после его падения
по тем рекордным образцам человеческой низости, ко-
торые дадут писания исступленных певцов его сего-
дняшней божественной славы.

Для всех, кому дороги интересы революции и рабо-
чего класса, вывод отсюда один: сплочение всех сил
для мобилизации политической энергии трудящихся Со-
ветского Союза во имя — не ликвидации дик-
татора, а демократической ликвида-
ции диктатуры, во имя замены режима терро-
ристической диктатуры революционно - демократиче-
ским режимом власти трудящихся.

„Мирное“ завоевание Китая

Как вода затопляет прежде всего низменные места,
так и японская экспансия всей тяжестью своего мощ-
ного военного аппарата направляется против слабей-
ших соседей. Выбор между двумя, исторически наме-
тившимися, направлениями этой экспансии — континен-
тальным и океанским — определился, по линии наи-
меньшего сопротивления, в пользу первого.

Этот выбор вовсе не означает отказа Японии от экс-
пансии в океанском направлении. Борьба за господство
на Тихом океане вся еще впереди. Но решительная
схватка с Соед. Штатами и с Британской Империей, с
Францией и Голландией еще не под силу японскому ми-
литаризму. Отсутствие достаточного континентального
плацдарма, т. е., в первую очередь, отсутствие необхо-
димой сырьевой и продовольственной базы, с одной сто-
роны, финансово - экономической мощи и военно-мор-
ского превосходства заинтересованных в сохранении ти-
хо-океанского статус-кво «белых» империализмов, с
другой, заставляют Японию отложить неизбежное ре-
шительное столкновение на вторую очередь, а на

первую выдвинуть задачу экспансии в сторону сла-
бейших государств — Сов. России и особенно Китая.

Но именно эта вынужденная последовательность в
реализации японских планов экспансии облегчает их
осуществление. Великие державы, не угрожаемые пер-
воочередными завоевательными планами японского им-
периализма, проявляют близорукую готовность мирить-
ся с его захватническими действиями в северо-восточ-
ном углу азиатского материка. Эта «выжидательная»
позиция великих держав, практически означающая по-
пустительство, обусловила бессилие Лиги На-
ций в решающий момент первого опыта вооруженной
японской экспансии — захвата Манчжурии. Но бесси-
лие Лиги Наций, из которой к тому же Япония, как и
Германия, поспешила выйти, чтобы и формально раз-
вязать себе руки, подорвало в корне ту систему орга-
низованного мира, основанного на ряде международных
договорных обязательств (пакт Лиги Наций, вашинг-
тонское соглашение девяти держав, пакт Келлога), на

Современный антисемитизм и „Протоколы Сионских Мудрецов“

14 мая в бернском суде вынесен приговор по сильно
нашему делу о так наз. «Протоколах Сионских
Мудрецов». Социалистическая пресса, — за исключе-
нием швейцарской, — уделила очень мало внимания
этому процессу, — как, впрочем, мало внимания она
уделяет и всему вопросу об антисемитизме вообще. Со-
циалистические газеты, конечно, печатают сообщения о
практике антисемитского движения, — особенно, о прак-
тике гонений на евреев в Германии, — но разбирать
антисемитские аргументы, спорить с ними они счита-
ют ниже своего достоинства. Психологически это на-
строение вполне понятно. Человек, который нагибается
до спора с антисемитами, неизменно испытывает ощу-
щение некоторого унижения: точно пришлось в помой-
ную яму окунуться. В начале 1880-х гг., когда по Рос-
сии прошла первая волна организованных сверху еврей-
ских погромов, Г. В. Плеханов взялся за составление
брошюры об антисемитизме. Уже написал начало, —
и не кончил: не мог. «Мне было стыдно доказывать
элементарные истины», — говорил он позднее. Еще бо-
лее «стыдно» делать это в наши дни, — через целых
полвека после попытки Плеханова, после того, как меж-
дународное рабочее движение имело в своем активе
победы над «социализмом дураков» в Германии, раз-
гром дрейфусаров во Франции и т. д. Психологически,
поэтому, — повторяю, — нежелание нагибаться для
спора с антисемитами более, чем понятно. Но бываю
положения, когда с индивидуальной психологией необ-
ходимо перестать считаться. Антисемитская агитация
в наши дни приняла такие размеры, антисемитизм стал

настолько значительным и общественно-опасным движе-
нием, — что о нем нельзя молчать. Это с особенной
ясностью вскрылось для тех, кто внимательно следил за
бернским процессом.

Антисемитизм послевоенный сильно отличается от
антисемитизма до-военного, — и в области идеологии, и
в отношении организационном. И основное, что опреде-
ляет идеологическое отличие современного антисеми-
тизма, это — роль, которую в этой идеологии играют
так называемые «Протоколы Сионских Мудрецов».

Сами по себе эти «Протоколы» — совершенно вздор-
ный документ. Для каждого беспристрастного человека,
который ознакомится с литературой о них, не может
быть сомнения в том, что они не только подлог, но и,
— как выразился один из экспертов на бернском про-
цессе, — один из самых грубых, самых беззастенчивых
подлогов, с которыми когда либо приходилось иметь
дело судебным учреждениям. По утверждениям их из-
дателей и распространителей они являются ничем иным,
как записью программных положений тайной организа-
ции мирового еврейства, принятых на тайных сионист-
ских заседаниях, происходивших в 1897 г. во время пер-
вого всемирного сионистского конгресса в Базеле. Соз-
данная на этом конгрессе организация якобы стремит-
ся разрушить все существующие государства и пере-
дать всю власть над миром в руки «еврейского царя из
рода Давидова». Никаких доказательств подлинности
этих «Протоколов» и существования подобной органи-
зации, конечно, не приводится. Их издатели несколько
раз меняли свои версии относительно происхождения

которой покоится сейчас непрочное здание всеобщего мира.

Международная анархия, знающая одно только право — право сильного, — воцарилась прежде всего на периферии «цивилизованного» мира — на Дальнем Востоке. Но разве «политика совершившихся фактов», которую фашистская Германия начала проводить в Европе, а фашистская Италия в Северной Африке, не является косвенным следствием того преступного безумия, которое с самого начала, когда Японии еще можно было остановить дружным отпором под эгидой Лиги Наций, проявили «ведущие» державы Европы и Америки?

И вот мы видим, как пресловутый «динамизм» Страны Восходящего Солнца, в котором поклонники кулачного права во внутренней и внешней политике видят некое историческое оправдание воинствующего империализма, взрывает и без того хрупкий статус-кво на Дальнем Востоке, рвет международные договоры, медленно, но неуклонно осуществляет знаменитую программу Танаки под лозунгом: «Азия для японцев». Захват Манджурии, создание Манджуко, потом захват Джехоля и части Чахара, и, наконец, последний по времени, но отнюдь не последний по счету, прыжок пантеры: захват всего Северного Китая с Пекином и Тяньцзинем — таковы этапы этой политики международного разбоя среди белого дня.

История последовательного захвата китайской территории, неприкосновенность которой обеспечена целыми тремя международными договорами, скрепленными подписью Японии (пакт Лиги Наций, вашингтонское соглашение и пакт Келлога), у всех в памяти. Но если первые этапы этого захвата носили драматический характер военных действий, если тогда имели место попытки вооруженного сопротивления со стороны Китая, если в то время китайские представители с верой в успех

своего правого дела апеллировали к совести народов, к вмешательству Лиги Наций, к обязанностям великих держав, подписавших вашингтонское соглашение, то теперешний, еще не закончившийся этап японской экспансии характеризуется исключительно «мирным», «бескровным», почти банальным характером территориальной ампутации, которой «добровольно» подчиняется всеми покинутый, во всех изверившийся, неспособный к вооруженному отпору и даже только к энергичному протесту почти-полумиллиардный китайский народ.

В наше невероятное время — «и невозможное возможно». Возможно — при общем «выжидательном» молчании — вторгнуться в чужую территорию и под дулом наведенных орудий потребовать — не в форме ультиматума, о нет, а в порядке «дружественных предложений» и «мирного сотрудничества» — отказа правительства этой страны от суверенных прав на собственную территорию; возможно добиться от него ухода оттуда своих войск, военного штаба и администрации, а также роспуска правительственной партии на захваченной территории; возможно, наконец, вырвать у соседней страны, «испугом схваченной, влекомой в водоворот», согласие на отказ от всех, даже мирных, форм сопротивления и протеста — от бойкота японских товаров, от обращения за помощью к Лиге Наций, от апелляции к великим державам, гарантировавшим неприкосновенность Китая. Воистину, — бьют и плакать не дают!..

Анализ японских «предложений», сделанных нанкинскому правительству в два приема, возвращает нас ко временам «21 требования», которые Япония навязала Китаю в 15 г. Только часть этих предложений касается захваченных территорий Северного Китая, которые Япония собирается не то объединить с Манджуко под властью подставного «императора» Пу-и, не то превра-

«Протоколов», — после того, как удавалось доказать, что сообщения, положенные в основу этих версий, не соответствуют точно установленным фактам. Каждая новая придуманная ими версия отличается еще большей запутанностью и еще меньшим количеством конкретных указаний, делающих возможным эту версию проконтролировать. Они ведут себя, как присяжные лжесвидетели, которые знают, что пользуются фальшивым документом, но не хотят от пользования им отказаться. Во всяком случае совершенно точно установлено, что эти «Протоколы», помимо всего прочего, являются еще и плагиатом: не менее 40% их текста, в самых важнейших частях, просто на просто списаны из одного старого памфлета, который ничего общего с еврейством не имеет и впервые был напечатан еще в 1864 г., т. е. почти за 3½ десятилетия до базельского конгресса сионистов. В этих условиях для всякого осведомленного и беспристрастного человека вообще нет вопроса, подлог или не подлог эти «Протоколы». Речь может идти только о том, кто был автором этого подлога, по чьему заказу он действовал, какие цели преследовал?

Но этот вздорный документ, который в другой обстановке не заслуживал бы никакого внимания, за послевоенные годы стал самой распространенной книгой среди последователей боевого антисемитизма. Он переведен не только на все, — кажется, без одного исключения, — живые европейские языки, но и на основные языки народов Азии и Африки. Существуют издания «Протоколов» по-китайски, по-японски, по-арабски и т. д. И они не только переводятся, но и читаются. Достаточно сказать, что в Париже в 1934 г. вышло четыре разных издания «Протоколов», — в разных переводах и в разных издательствах. Про современную Гер-

манию и говорить не приходится: тираж «Протоколов» в разных изданиях там уже давно исчисляется многими сотнями тысяч экземпляров, — а если прибавить перепечатки в разных газетах и журналах, то он выразится уже в семизначных цифрах. А в прошлом году «Протоколы» рекомендованы для изучения в школах... Правящие в Германии антисемиты вколачивают их в головы юного поколения с детских лет.

Такая степень распространенности «Протоколов» полностью соответствует степени их идеологического влияния. Можно смело сказать, вся «теория» современного антисемитизма построена на базе «Протоколов». Времена, когда с антисемитизмом заигрывали некоторые представители революционного лагеря, давно ушли в далекое прошлое. Антисемитизм за последние три четверти века все полнее и полнее сливался с откровенной, оголенной реакцией. Но только «Протоколы» дали, так сказать, теоретическое обоснование органическому слиянию антисемитизма с антидемократизмом: изобразив демократию, как средство, при помощи которого тайная организация мирового еврейства разлагает силы враждебных еврейству государственных организаций, «Протоколы» идеологически обосновали перенесение на демократию всего пафоса той зоологической ненависти, которая до того у антисемитов была обращена только против еврейства. Современный антисемитизм настолько проникнут этой ненавистью против демократии, что в настоящее время, правда, можно быть в лагере противников демократии, не будучи в то же время антисемитом (итальянский фашизм — классический тому пример), но совершенно невозможно быть антисемитом, не будучи в то же время самым ожесточенным врагом демократии и всего, что с нею связано. Поэтому-то со-

твить в новое государство-буфер Хупейкуо. Ряд требований касается всего Китая, имея целью уже не самостинный — с северо-восточного конца — раздел Китая, а установление японского «контроля» над всей бывшей Небесной Империей. Это создает новое положение, затрудняя «локализацию» конфликта. Япония сталкивается с фактической английской «сферой влияния». Добиваясь установления контроля над всем Китаем, Япония сталкивается с Соед. Штатами, отрицательно относящимися, как к разделу Китая на сферы влияния, так и к подчинению всего Китая «контролю» — и экономической эксплуатации — одной страны. Вот почему обе эти страны насторожились после последних «успехов» японской экспансии, хотя и не решаются остановить насилие. Япония хорошо рассчитала момент для реализации своих планов: Европа и Америка поглощены своими заботами и своими склоками...

Когда-то покойный Сун-Ят-Сен, зачинатель и вождь китайского национально-освободительного движения, сказал, что единственное спасение Китая от грозившего ему раздела заключалось в противоречии интересов империалистических хищников, терзавших больное тело китайского народа. Сун-Ят-Сен надеялся, что национальное возрождение Китая освободит его от опеки этих хищников и создаст более прочную основу для его независимости. Но китайская революция, наткнувшись на нежелание чужеземных «дьяволов» покинуть опорные пункты своего «влияния» и одновременно споткнувшись о внутренние противоречия, преступно раздуваемые и используемые Коминтерном, скоро утратила свое действительное обаяние и свою творческую мощь и выродилась в бессильную диктатуру Чанкайшека, неспособную ни обеспечить внутреннее единство нации, ни оградить неприкосновенность огромного государства во-вне. «Красные армии» — этот сумбурный, но неугасающий протест китайского крестьянства против предательства

аграрной революции право-буржуазным Гомицданом, — и сейчас, в момент конфликта, ослабляет тыл национального нанкинского правительства, реальная власть которого распространяется лишь на часть китайских провинций. Вести же одновременно оборонительную войну во-вне и гражданскую войну внутри ему, во всяком случае, не под силу.

Вне возрождения и доведения до конца китайской аграрно-буржуазной революции, вне государственной консолидации и экономической модернизации Китая едва ли возможно восстановление и обеспечение его территориальной целостности и национальной независимости. Если «заинтересованные в Китае» великие державы Европы и Америки в последний момент совместно не принудят зарвавшуюся Японию к отступлению, как это имело место в 1895 г., в 1905 г. и в 1922 г., то изгнание японских захватчиков рано или поздно все же произойдет, но произойдет в результате национально-государственной консолидации великого китайского народа, который, однажды проснувшись от тысячелетнего сна азиатского средневековья и напад, наконец, на след своего исторического развития, уже не даст себя превратить надолго в безвольный объект колониального господства — даже под желтым знаменем панasiatской «доктрины Монроэ», которым облазняет его Япония.

Но тут мы подходим к вопросу, который приобрел особую остроту в ходе последнего наступления японского империализма (а не якобы «автономной» от токийского правительства японской военщины, как утверждают японские дипломаты). Какова роль Советского Союза в этой стадии дальневосточной драмы?

В большой круг тихоокеанских проблем вписан, геополитически данный, «треугольник» соседствующих друг с другом России, Японии и Китая. Первоочередные континентальные планы японской экспансии,

временный антисемитизм, как целое, полностью находится в лагере наиболее последовательных из современных противников демократии, в лагере фашизма, — и притом на самом крайнем воинствующем его крыле.

Не следует преувеличивать значительности «Протоколов», как литературно-политического произведения. Написаны они далеко не блестяще, — довольно сухим, вялым слогом. Не оригинальны они в отношении идей. Мысль о существовании тайного еврейского правительства, которое из-за кулис управляет миром, встречается в антисемитской литературе еще с 80-х гг. прошлого века. Не оригинальны и методы действия, этому правительству приписываемые: в них не трудно узнать доведенные до крайности, почти шаржированные рецепты старого Николы Маккиавели. Как указано выше, в довольно значительной части «Протоколов» не оригинально даже и изложение: ряд страниц почти полностью списан из одного старого политического памфлета. Автор, «сделавший» таким образом «Протоколы», несомненно, не был ни ярким публицистом, ни оригинальным политическим мыслителем. Но он во всяком случае был талантливым компилятором, — почти композитором: позаимствовав у других все основные составные части своей работы, он сумел создать из них стройное целое, от основания до верхушки пронизанное одной и той же идеей, подчиненное одной и той же задаче. И это стройное целое гипнотизирует читателя, — особенно, если последний имеет склонность подпадать под власть навязчивых маниакальных идей. Именно среди людей последнего типа «Протоколы» имеют много горячих приверженцев, — а в наше переходное время, время ломки и кризисов, этот тип людей довольно широко распространен.

Идеологическое сращивание антисемитизма с крайним крылом фашизма не могло не отразиться и на организационных судьбах антисемитизма.

Перед войной антисемиты были разбиты на великое множество небольших групп и группок, носивших исключительно пропагандистский, — обычно литературно-пропагандистский, — характер. Боевой антисемитской партии не существовало ни в одной стране, — если не считать России, где, впрочем, антисемиты массовых корней имели едва ли не меньше, чем в какой-либо другой стране, и держались на поверхности исключительно в силу щедрой материальной и моральной поддержки со стороны правительства. О международном объединении антисемитов не было и речи. «Первый международный антисемитский конгресс», состоявшийся в 1882 г. в Хемнице, не оставил после себя никаких организационных следов. Конечно, известного рода международные связи отдельными антисемитскими группами поддерживались, — но это были исключительно литературные связи, носившие почти всегда персональный характер. Самым большим влиянием в антисемитской среде располагал антисемитизм французский, который пользовался поддержкой иезуитов и поставлял наибольшую часть материалов для международной антисемитской литературы. Но этот антисемитизм еще со времен Дрюммона был тесно связан с французскими рванцарами, — и потому в Средней Европе на него смотрели с большим недоверием.

В послевоенной Европе все резко изменилось.

Идеологически ведущая роль в послевоенном антисемитизме с самого начала перешла в руки антисемитов германских. Именно они вытащили на свет божий и «Протоколы». До войны эти последние, написанные, по-

как известно, имеют в виду не только Северный Китай, но и Восточную Сибирь. Разлив японской экспансии, дойдя до советско-маньчжурской границы, спешно укрепленной советами, повернул на юг, в сторону менее защищенных китайских провинций. «Выкуп» Японией Восточно-Китайской жел. дороги, которую «правительство мировой социальной революции» отказалось вернуть китайскому народу и даже «защищало» с оружием в руках, этот выкуп означал замаскированный отказ советского правительства от последних остатков активной империалистической политики в отношении Китая, унаследованной от царизма и только «сублимированной» в форме содействия созданию из молодой китайской республики нового грандиозного плацдарма «мировой социальной революции».

Советское правительство лихорадочно готовится к защите своих дальневосточных владений — не только путем концентрации Особой Дальневосточной Армии у маньчжурской границы и создания военно-промышленных баз в Сибири, но и путем дипломатических усилий, направленных на отвлечение японской экспансии от границ Советского Союза. Попытка возобновить советско-японскую «дружбу», пусть диктуемая стремлением советского правительства к сохранению мира во что бы то ни стало, облекается в постыдную форму предательства китайского народа.

Высоко-официальная статья Радека, напечатанная в японо-советском издании токийской газеты «Japan Times» и перепечатанная в «Правде» от 3 июня, т. е., накануне нового хищнического набега Японии на беззащитный Китай, может иметь только один смысл: формального отказа советского правительства от всякой, даже дипломатической, помощи китайскому народу. Иными словами — дело идет о предоставлении японскому милитаризму свободных рук в Китае.

чти несомненно, каким-то французом, но по заказу представителей крайне правых русских кругов, в Европе совершенно не были известны. Немцы, конечно, при самой активной помощи со стороны русских эмигрантов-черносотенцев из германофильского лагеря (полк. Винберг, Бостунич-Шварц, Курлов, А. А. Ширинский-Шихматов и др.), — поставили им самую широкую рекламу. Они же создали и большую литературу, которая комментирует и разъясняет эти «Протоколы».

Антисемитская пропаганда внутри Германии была той первоначальной формой, в которой находило свое выражение будущий немецкий фашизм. Можно смело сказать, антисемитизм стоял восприимчивым у колыбели немецкого фашизма. Первыми очагами антисемитской агитации были те небольшие литературно-пропагандистские группки, которые сохранились в разных местах Германии (Лейпциг, Гамбург, Эрфурт, Берлин и др.) еще со времен недолговечного расцвета германского «социализма дураков» в 1870-80-х гг. До войны они никакой роли в немецкой политической жизни не играли, выполняя только функции «хранителей священного огня». Но после войны, когда встревоженная мысль немецкого обывателя искала объяснения причин краха военной мощи Германии и связанного с этой мощью его собственного материального благополучия, деятельность этих групп сразу смогла широко развернуться, — и они стали центрами, вокруг которых формировались первые кадры будущих национал-социалистов. Не случайно теперь национал-социалистические историки с таким вниманием набрасываются на историю и пред историю всех этих антисемитских группок. Для ряда мест Германии эту роль антисемитских групп в форми-

Мы оставляем в стороне жалкий маскарад менее плохого, но более верткого сталинского «Розенберга», свою официозную статью в японском журнале выдавшего за голос не советского правительства, а «рядового советского гражданина», рабочего и крестьянина советского Союза. Мы оставляем в стороне напыливание на себя евразийской идеологии, чтобы — в пику европейской гордыне бриттов, против которых заострена статья Радека — подчеркнуть особые, почти родственные «симпатии» наполовину азиатских народов Сов. России «к народам Азии». Мы оставляем, наконец, в стороне деятельное подчеркивание «реализма» русского народа (читай: советского правительства) и купеческую оценку «советским крестьянством» политики советского правительства, начиная с продажи «в убыток» В.-К. ж. дор. и кончая его теперешним нежеланием «вытаскивать каштаны» для других империалистических держав (читай: Англии и Америки).

Смысл всего этого кружевоплетения в «трезвом», «реалистическом» выводе, к которому от имени умудренного «большим историческим опытом» советского народа приходит Радек: «в сякий народ в основном сам должен себя спасти». Это значит: спасайся, кто может! Это значит: сочувствуем «трудолюбивому китайскому народу», но своя рубашка ближе к телу. Это значит: отказываемся на будущее время от возглавления национально-освободительных движений угнетенных народов Востока, бывшего раньше альфой и омегой социально-революционного символа веры мирового большевизма. Это значит, наконец: не одобряем захватов Японии в Китае, но чинить препятствий ей не будем, если только наши границы останутся неприкосновенными.

С какой легкостью, как ненужный балласт, выбрасывается за борт «исторический опыт» последних десяти лет — вмешательство в ход китайской революции, на-

ровании будущих национал-социалистов можно проследить по персональному составу.

Эту ведущую роль антисемитов в деле формирования антиреспубликанского движения скоро и правильно поняла та военная камарилья, которая, получая средства от немецкой республики и работая под прикрытием республиканского райхсвера, с самого начала вела полнокровную борьбу против республики, поддерживая все антиреспубликанские и антидемократические группировки. Антисемиты стали получать щедрую материальную поддержку, — и это окончательно помогло им встать на ноги. Уже очень скоро от антисемитских центров Германии нити связей потянулись и за пределы Германии, — причем в этой работе антисемитская агитация весьма умело сплеталась с пропагандой в пользу националистической Германии. Обильные средства, которыми располагали немецкие антисемиты, помогали им оказывать всяческую помощь антисемитскому движению во вне-германских странах. Передо мной, когда я пишу эти строки, лежит брошюрка о «Протоколах», изданная одним из таких немецких литературно-пропагандистских антисемитских центров в Лейпциге специально для антисемитов мексиканских: там антисемитское движение искусственно пытались насадить отцы-иезуиты для борьбы против молодой мексиканской республики, ведшей яркую антиклерикальную политику, — и немецкие антисемиты, — протестанты по религии, — оказали им в этом деле более активную поддержку, чем даже Ватикан.

Роль, которую в настоящее время антисемитизм играет во внутренней политике Германии, достаточно известна, — и на ней нет нужды останавливаться. Надо только отметить, что, — по свидетельству старых национал-социалистов, бывших лично близкими с Гитле-

вязывание ей московского руководства, «углубление» китайской революции — до пропасти, в которой погибли ее внутри- и внешне-политические завоевания! Вот он — советский форпост борьбы с империализмом! Вот он — палладиум всех угнетенных народов! Вот он — штаб мировой революции!

Пусть Советский Союз один бессилён сейчас помочь китайскому народу в беде. Пусть советское правительство обречено на «реалистическую» оценку создавшейся обстановки, заставляющую его стремиться к установлению «хороших, добрососедских отношений между нами и Японией, в пользу обеих стран и никому во вред, кроме тех (Германия? Англия? — П. Г.), которые спекулируют на японо-сов. противоречиях». Но разве «интернациональный характер культуры, в которой воспитываются наши массы», оправдывает отказ от принципа интернациональной помощи жертве чужеземного вторжения? Где же лозунг: «Руки прочь от Китая!» Где же мобилизация международной пролетарской общественности против разбойничьего набега японского империализма? Где рука морально-политической поддержки, протянутая китайскому народу, над которым еще так недавно толпы московских агентов проделывали социально-революционные эксперименты? Где инициатива советской дипломатии с целью вынести это вопиющее насилие над «трудолюбивым китайским народом» на форум той международной организации, которую СССР хочет оживить и активизировать своим вхождением?

«Всякий народ в основном сам должен себя спасти». Перефразировка лозунга буржуазных нац.-рев. эпохи объединения Италии: *Italia fara da se!* «В основном» это положение правильно: никакая помощь со стороны не может заменить собственной сопротивляемости, собственной воли народа к отражению внешнего врага или свержению чужеземного господства. Но разве вся система «коллективной безопасности», о которой хлопо-

чет сейчас советская дипломатия на Западе, в частности, гарантийные договоры о взаимной поддержке против нападающего, наконец, весь дух устава Лиги Наций, в который вошел СССР, — не построены на признании принципа международной помощи подвергшейся нашествию стране против нападающего? Где же логика?

Панический страх перед Японией на востоке и перед Германией на западе заставил московский «штаб мировой революции» выбросить за борт все идеологические ценности старого большевизма. Статья Радека, инспирированная и апробированная диктатором, — в том же плане, что и известное заявление Сталина Лавалю. Во внешней политике диктатуры национально-государственные мотивы окончательно заглушают социально-революционные и интернационалистские. Но международный социализм не последует за коммунизмом по этому пути — и громче прежнего поднимет клич:

Руки прочь от Китая!

П. Гарви.

Гибнущий единоличник

Мы думаем, что в текущем году проблема единоличника встанет в еще более острой форме, чем она стояла в прошлом году.

Предстоит ли в текущем году высокий урожай или урожай низкий, единоличник будет в ближайшие месяцы неизбежно продолжать голодать и деградировать.

Последние сводки ярового сева говорят об этом убедительным образом. Яровые посевы в этом году прошли гораздо более организовано и своевременно, чем в прошлые годы. На 10 июня в 1930 году было посеяно — 79,4 м. гект., в 1933 году — 87,9 млн. гект., а в текущем — 91,2 млн. гект. На 10 июня весь план посева полностью закончен.

ром, а в настоящее время очутившихся в эмиграции. — Гитлер принадлежит к числу почитателей «Протоколов». Эти последние — его настольная книга. Он считает, что в «Протоколах» собрана многовековая мудрость еврейского народа, который тысячелетиями ведет борьбу изнутри против своих противников и лучше, чем кто-либо другой, изучил методы подрывной работы изнутри вражеского стана. Отсюда он делает вывод: победить еврейство и находящиеся на службе у евреев демократов и марксистов можно только применяя в борьбе против них те самые приемы и методы, которые рекомендованы в «Протоколах». Поэтому он, — по этим свидетельствам, — не предпринимает ни одного маломальски ответственного шага, не справившись в «Протоколах»: как рекомендовали бы поступить в аналогичных случаях «Сионские Мудрецы»? Подтверждением этим рассказам служат не только книги ближайших соратников Гитлера, — Розенберга и др., — которые всю историю последних десятилетий рассматривают под углом «Протоколов», — но и «Моя борьба» самого Гитлера: в этой последней книге читатель, хорошо знакомый с «Протоколами», на каждом шагу натывается на следы влияния «Протоколов», — в том самом духе, о котором рассказывают упомянутые выше бывшие друзья Гитлера. Ряд мест в ней является прямым пересказом соответствующих страниц «Протоколов». Поэтому, как ни дико звучит рассказ бывших друзей Гитлера, его приходится признать вполне достоверным. Повидимому, «Третья Империя» действительно управляется по заветам «Протоколов»...

Но едва ли не еще более важна другая функция, которая отведена антисемитизму руководителями «Третьей Империи».

Фашизм, — частной, хотя и очень своеобразной разновидностью которого является немецкий национал-социализм, — по своему существу национально-исключителен и может ставить перед собою только национально-ограниченные задачи. Моментов интернационализма в фашистском мировоззрении нет, — больше: фашизм принципиально враждебен интернационализму. Конечно, результаты, которых фашизму удалось достигнуть в ряде стран (создание «сильной» антидемократической власти и укрощение социальных низов), с самого начала импонировали реакционным слоям буржуазии всего мира. Но так как «сильная власть», созданная фашистами в какой-либо стране, всегда была в той или иной мере агрессивна по отношению к интересам тех групп, представителями которых были сторонники «сильной власти» в других странах, — то задача создания интернационального объединения национальных фашистских партий не могла не казаться неразрешимой, — своего рода политической квадратурой круга. Это признавали и сами фашисты, и некоторые из них сознательно от этой задачи отказывались. Муссолини, напр., не раз заявлял, что созданное им движение носит исключительно итальянский характер и к идеологической экспансии вне территориальных границ Италии не стремится.

Немецкий национал-социализм в этом вопросе не идет за «классическим фашизмом» Муссолини. С самого начала своего существования, как правящей партии, он ставит перед собой задачу идеологической экспансии, — гораздо больше в этом отношении напоминающей ранний российский коммунизм с его «Третьим Интернационалом». При полном различии в целях, национал-социализм сближается с коммунизмом стремлением организовать внутреннее воздействие на политику враж-

Менее определенны сведения о размерах предстоящего урожая, вернее о качестве сева. Но сообщения из различных районов Украины, Волги, Кубани и Сибири единодушно свидетельствуют, что можно ожидать хорошего урожая, если погодные условия не ухудшатся. Если надежды оправдаются, то Советский Союз будет иметь третий год подряд высокий урожай, что в значительной мере будет торжеством крупного, на началах передовой агрономии и техники ведущего хозяйства.

Но для обоснованных выводов надо терпеливо ожидать осени и отчетов по уборке хлеба.

Но один вывод можно уже твердо сделать сейчас.

Единоличное хозяйство гибнет и гибнет совсем не потому, что пришел ему срок умирать, что оно не в состоянии конкурировать с коллективным хозяйством. Напротив, ирония советской действительности в том, что, при несомненном росте продукции крупного колхозного хозяйства, сейчас мы одновременно присутствуем при деградации мелкого частного хозяйства единоличников и при процветании частного же хозяйства колхозников.

Единоличное хозяйство безвременно умирает, ибо советская власть закрыла ему все пути для сколько-нибудь сносного хозяйствования.

Сводка сева, от 10 июня, торжественно возвестившая о том, что план сева закончен на 100,4%, таит в своих недрах и другие, совсем иного характера данные. Единоличники засеяли на 10 июня только 68,8 плана, т. е. лишь 7,7 млн. гект.

Допустим, что сейчас под давлением властей, и под угрозой предстоящего им голода единоличники засеят кое-как еще 31,2% и план будет выполнен на все 100%.

Но много ли даст этот сев после всяких нормальных сроков? Надо вдуматься, что означает тот

факт, что единоличники, которых, по исчислению Яковлева, 20-25 млн. душ, засеяли яровых хлебов 7,7 млн. гект., а озимых — 5,2 млн. гект. Ведь это означает, что на каждую душу единоличника приходится лишь немногим больше $\frac{1}{2}$ гект. посева. И если даже весь план посева яровых единоличниками будет выполнен, то посев на едока-единоличника будет равен 0,7 гект., в то время, как на едока-колхозника приходится почти вдвое.

Таково же положение единоличника и в отношении скота и в отношении огородов и прочих сельскохозяйственных доходов.

Единоличнику в деревне некуда податься. Давление на него с каждым годом усиливается. Местные земельные органы, желая создать запасы земли «на случай расширения посевов колхозами» и вынужденные наделить отдельные семьи колхозников усадебной землей, — а в связи с правом на $\frac{1}{2}$ -1 гект. усадебной земли повсеместно происходит раздел больших колхозных семейств, — под всякими предлогами, по прямому указанию декретов, отбирают у единоличников их землю, систематически уменьшая их наделы. Отдельные наиболее вопиющие факты попадают на страницы советской печати. «Социалистическое Земледелие», например, рассказывает об одном таком случае, когда на один двор в колхозе «Красный Октябрь» (Уманский район) Воронежской обл. приходилось по 12,6 гект., а у единоличников соседнего района (Пушкарский сельсовет) лишь по 0,9 гект., а в Красногорском сельсовете «допланировались до того, что на 47 единоличников приходилось всего 6 гект.»

Единоличники, сохранившие рабочий скот, вынуждены «дорабатывать» тем, что они обрабатывают своей лошадей или волом усадебную землю колхозников *).

*) «Соц. Земл.» 29 дек. 34 г.

дебных ему стран, — и делает это с много большей бесцеремонностью и беззастенчивостью, неразборчивостью в средствах, чем делал российский большевизм даже в «героический» период его существования. Орудием для своего воздействия изнутри на политику враждебных стран национал-социализм избрал антисемитское движение, — и надо признать: на этом пути он уже теперь достиг весьма значительных результатов.

Интернационал антисемитский в настоящее время уже существует и является фактором, который приходится учитывать при политических расчетах. Его организация, — поскольку непосвященные о ней осведомлены, — довольно сложна и соответствует тем представлениям о тайной заговорщической деятельности, которые распространены в антимасонской литературе: руководители этого нового «интернационала» хотят учесть весь опыт «масоно-иудейских» конспираторов для своей борьбы против «иудо-масонов». Но при всей своей сложности эта организация достаточно приспособлена для того, чтобы быть послушным орудием в руках тех, кто стоит за кулисами этого антисемитского интернационала, т. е. н.-соц. партии и мин-ва пропаганды.

В Германии, где антисемитское движение с 1933 г. строго централизовано и поставлено под руководство министерства пропаганды, дело поддержания международных антисемитских связей возложено на антисемитскую группу в Эрфурте, во главе которой стоит отстав. полковник Флейшхауер, выступавший в бернском процессе экспертом со стороны защитников «Протоколов». Все международные связи, которыми располагали до того отдельные немецкие антисемитские группы, теперь переданы этому центру, — и все дальнейшие международные сношения антисемитов могут вестись только

под контролем этого центра. Им взяты на учет все антисемитские и близкие к антисемитам организации, где бы они ни находились. Со всеми этими организациями установлены или непосредственные, или посредственные, но строго контролируемые сношения. Располагая значительными средствами и имея возможность в той или иной форме оказывать материальную поддержку этим иностранным группам (Германия не платит своих заграничных долгов, ни государственных, ни частных: для этого она не имеет валюты; но на поддержку антисемитской агитации за границей валюту она находит), немецкий антисемитский центр смог очень скоро поставить под свой контроль антисемитскую прессу едва ли не всего мира. Исключением не является и Франция. Здесь антисемитизм с давних пор был особенно остро антигерманским. Свой орган «Libre Parole» Дрюммон создавал в качестве боевого органа реваншистского движения. Недоверие и вражда к Германии и ко всему немецкому здесь, казалось бы, были настолько прочны, что о перемене международной ориентации невозможно было и думать. И тем не менее эта ориентация уже изменена. В настоящее время в «Libre Parole» (он, впрочем, вообще сильно изменился со времен Дрюммона) невозможно найти ни одного замечания, которое носило бы прямо или косвенно анти-германский характер. Наоборот, во Франции сейчас, кажется, нет более горячего сторонника сближения с Германией, чем этот орган эпигонов Дрюммона. А на складе этого журнала, на rue des Petits-Champs, 27, — полки полны антисемитскими новинками немецкого производства. Германия сейчас охотно печатает антисемитскую литературу на всех возможных языках и охотно дает эту литературу для распростра-

немогущих получить для этой цели лошадь из колхоза, или превращаются в приказчиков колхозников, ежесекундно отвозя их с.х. продукты на рынок, они же нанимаются возить лес и дрова в ближайший город. Кое-где единоличники владеют лошадью совместно, такая «складочная лошадь» — главный источник пропитания нескольких дворов единоличников. Пуд махорки или несколько мешков картошки, отвезенные и проданные в городе, кормят иногда несколько недель пять-шесть дворов.

Но с каждым годом единоличное хозяйство разрушается, инвентарь ветшает, скот гибнет...

Советская власть убеждает единоличников идти в колхозы. Но эта возможность на практике существует лишь для небольшой части единоличников, для большинства из них двери колхоза крепко закрыты.

Колхозы ставят такие суровые условия приема новых членов, что только немногие единоличники могут их выполнить. «Соц. Земледелие» упрекает колхозы за то, что они «замкнулись» и «не желают раскрыть двери для запоздавших единоличников».

Но руководители колхозов хорошо знают свои интересы. Характерно, что вопрос о приеме в колхозы единоличников один из немногих, в которых советская власть твердо блюдет права самоуправления колхозников.

У единоличника сейчас только два пути: в совхоз и в город. В совхоз на положение наемного рабочего, в город в качестве рабочих для промышленных предприятий, требующих новую рабочую силу.

Много оснований считать, что советская власть сознательно поставила ставку на уничтожение единоличного крестьянства. Но объективные результаты советской политики во всяком случае таковы: в деревне происходит быстрый и мучительный процесс пролетаризации многих миллионов крестьян-единолични-

ков, осуществляется перераспределение их земли, скота, построек в распоряжение колхозов и колхозников, сами же единоличники и их семьи поступают в состав резервной армии городской индустрии, частью же вымирают от голода и лишений.

Так, экономически нерационально, социально — вредно, политически — опасно, разрешается на практике старая проблема избыточного населения русской деревни,

А. Югов.

Смерть А. С. Мартынова

В Москве, 70 лет от роду, скончался Александр Самойлович Мартынов-Пикер, с которым так много связано и в истории нашей партии, и в личных воспоминаниях.

13 лет тому назад Мартынов ушел из нашей партии, ушел — тяжело повторять это, но из песни слова не выкинешь! — как ренегат. Свой разрыв с меньшевизмом он возвестил в статьях «Мои украинские впечатления и размышления», написанных им после 4-летнего пребывания в маленьком еврейском местечке и 4-летней полнейшей оторванности не только от партии, членом ЦК которой он числился, но и от всякой политической работы вообще. Аргументы, которыми Мартынов мотивировал свою «смену вех», показались мне крайне поверхностными, противоречивыми и легкомысленными. Но самая «смена», в искренности которой я ни тогда не сомневался, ни теперь не сомневаюсь, была его законным правом. Свою новую веру Мартынов отстаивал с такою же страстью, с какой он всегда отстаивал и свои прежние вероисповедания: ведь, и к меньшевистской социалдемократии он пришел не сразу, а через этапы народофильства и «экономизма». И эта стра-

нения за границу на условиях, которых обычная книжная торговля не знает, — а часто соглашается и на полное списывание такого рода долгов.

Итогом этой подготовительной интернациональной работы явился созыв международных антисемитских конгрессов. За последние два года таковых состоялось уже два, — оба на территории Германии. В их работах приняло участие довольно значительное количество делегатов от самых различных стран, — списки их, насколько нам известно, не опубликованы, но известно, что среди них были представители всех крупнейших стран всего земного шара, — вплоть до Японии, Китая, Индии и т. д. Характерно, что антисемитский интернационал много внимания уделяет специально колониальным странам. Так как евреев там нет или почти нет, то естественно, что острей антисемитской агитации там направлено не против евреев, а против демократии и демократических стран Европы, которые, находясь на службе у тайного еврейского правительства, эксплуатируют и обирают народы Востока...

На этих конгрессах создано международное бюро, в руки которого перешло руководство международной антисемитской агитацией. Конечно, и в этом бюро все руководство находится в руках немцев национал-социалистов. Это бюро обратило специальное внимание на постановку издательской деятельности. В частности, им налажено издание информационного бюллетеня, выходящего на трех языках (немецкий, французский и английский) и рассылаемого только пользующимся доверием лицам и организациям. Кроме того особое внимание сейчас уделяется изданию антисемитской энциклопедии, в которой, по замыслу инициаторов, должно быть собрано «все, что не-евреи знают и думают о евреях

и масонах». Это издание, — оно выходит в Эрфурте под главной редакцией упомянутого выше г. Флейшхауера, — рассчитано на 7-8 томов убористой печати в два столбца, формата и объема больших немецких энциклопедий. Уже выпущено 4 тома... Издание это держится в особом секрете: вывоз его за границу возможен только по особым разрешениям; каждый, получающий его, обязан дать подписку, что он не покажет его никому из «евреев, масонов и марксистов».

На ряду с этим открытым международным объединением (хотя и оно печатает очень мало сведений о своей работе), создано второе, более узкое и совсем тайное интернациональное антисемитское объединение под названием «Пан-арийское братство». Оно организовано по типу масонских объединений, — с таинственными посвящениями, обрядами и пр. Передают, что ритуал этого «братства» представляет из себя смесь масонских обычаев с обрядами старо-германских рыцарских орденов. Задачей этого «братства» является объединение наиболее надежных с точки зрения немецкого национал-социализма руководящих элементов международного антисемитского движения и с его помощью и через его аппарат руководство этим последним, — конечно, в интересах немецкого национал-социализма...

До мозга костей пропитанный ненавистью к демократии и социализму, объединенный в интернациональном масштабе и подчиненный руководству немецких национал-социалистов, международный антисемитизм в наше время развертывает очень широкую агитацию, — не обращая внимания на которую было бы большой ошибкой. Социалистическая пресса должна обратить внимание на этого врага.

Б. Н.—ский.

стность в разрыве со своим вчерашним днем, как и бурный прозелитизм, заставлявший его настойчиво стремиться приобщить к свету вновь познанной им истины прежде всего своих вчерашних единомышленников — меньшевиков, все это должно было вызывать и вызывало не менее страстный отпор с нашей стороны, но не давало никакого основания для каких-либо упреков морального характера по адресу ушедшего от нас товарища.

Но Мартынов очень скоро шагнул далеко за допустимые пределы. Если верить официальным некрологам его («Правда», 6 июня), то в своей автобиографии он писал, что считает своей обязанностью «убить» своих бывших товарищей-меньшевиков, потому что он «порождал» их. Тут Мартынов впал в несомненное заблуждение и неосновательно преувеличил свою роль в «рождении» меньшевизма. Он много сделал для теоретического и исторического обоснования меньшевистских взглядов, но пришел он к нам тогда, когда меньшевизм, как течение русского социалдемократического рабочего движения, успел уже «родиться» и оформиться без его непосредственного участия. Точно так же не принимал он непосредственного участия и в той глубокой переориентировке, которую меньшевизм проделал в условиях большевистской революции и которую можно, если угодно, назвать вторым «рождением» его (тезисы 20 года): как уже сказано, с весны 1918 года Мартынов, отнюдь не «порывая с меньшевиками» (это — благочестивая ложь официального некролога!), а исключительно в силу личных обстоятельств, целых четыре года провел в полной оторванности от политической жизни вообще. Но, как был то ни было, стремление «убить» меньшевизм, который он, хотя и ошибочно, считал своим детищем, оказалось в нем так сильно, что он не остановился перед совершенно невероятными приемами: он не только оправдывал расправу чекистов с социалдемократами, но, явившись в тифлисскую тюрьму, уговаривал заключенных меньшевиков подавать заявления об отречении от партии, обещая им за это свободу! Вся эта работа Мартынова по созыву конференций для «ликвидации меньшевистской партии» окончилась постыднейшим провалом, и затея скоро была оставлена. Но образ действий Мартынова заставил меня тогда же заявить на страницах нашего органа, что отныне между мною и моим старым соратником и другом разверзлась «моральная пропасть», которую не могла вырыть перемена им своих убеждений, но которую должен был вырыть ренегатский характер его борьбы с партией, одним из возглавителей которой он так недавно был.

Эта моральная пропасть осталась незасыпанной. Но перед могилой Мартынова я должен сказать, что ни тогда, ни теперь мне и в голову не приходило и не приходит низкий, ренегатский характер его борьбы с меньшевизмом объяснять низкими мотивами. Я знал и знаю, что более бескорыстных служителей «идеи», чем Мартынов, больших «бессеребренников» — не только в смысле денег, но и в смысле жизненных благ и удобств вообще, и даже в смысле почестей и вошедших ныне снова в такую моду «чинов и орден» — не бывает. И я знал и знаю, что самые пороки его, доведшие его в условиях большевистской диктатуры и террора до таких недопустимых поступков, были, можно сказать, оборотной стороной тех отличительных свойств его натуры и его ума, которые делали его таким привлекательным для всех, кто ближе узнавал его, и в то же время чуточку смешным: его восторженной, фанатической, зачастую детски-наивной веры в обретенную путем мучительных исканий и размышлений истину; его неудержимого стремления, как можно скорее, приобщить к умиленному преклонению перед этой истиной всех окру-

жающих; его неистовой страсти пропагандиста — поведника, ведущего свою идейную работу, как говорили у нас, в редакции «Искры», не иначе, как «в сто лошадиных сил» («Мартынище» — звали мы его в шутку между собою); его детской беспомощности и непрактичности во всех житейских делах и вытекавшего отсюда тайного преклонения перед внутренне импониравшими ему напористыми и бесцеремонными людьми «дела»; наконец, особого склада его ума, глубокого в теоретическом и историческом анализе, но склонного в своих обобщениях доходить до такой отвлеченности, подниматься в такие надзвездные сферы, с высоты которых уже перестают быть видимы очертания конкретной действительности и земные грани — в том числе, как оказалось, и земные грани добра и зла.

Я вспоминаю первое свое знакомство с Мартыновым. Оно состоялось летом 1901 года в Цюрихе, где собрались для попытки договориться (окончившейся расхождением) представители «Искры» и «экономистов». Мартынов стоял тогда на левом крыле «экономизма». С ним, казалось, будет легче найти точки соприкосновения, и Ленин и я были командированы для беседы с ним. Эта беседа продолжалась битых два часа. Мы начали с того, что, собственно, и было предметом переговоров: с вопроса о соотношении между «политикой» и «экономикой» в тогдашнем социалдемократическом движении. Но очень скоро Мартынов от этой конкретной темы перешел к марксизму «вообще», затем — к материалистической философии и диалектике, еще дальше — к дарвинизму, космогонии, теории Канта и Лопла и т. д. Проговорил он два часа почти один, и, само собою разумеется, договориться ни до чего не удалось. Уходя, Ленин изумленно разводил руками и на обратном пути все повторял: «эк, куда загнул! Ну, и человек!». После этого я впервые увиделся с Мартыновым лишь в начале 1905 года, когда он, при усиленном содействии Троцкого, окончательно решил примкнуть к меньшевизму и приехал к нам в Женеву, где сначала не без труда удавалось побороть взаимную отчужденность и наше недоверие к старому «экономисту», но где все же Мартынов очень скоро стал не только одним из самых ценных сотрудников «Искры», но и близким личным другом большинства членов ее редакции.

Через 17 лет Мартынов ушел из меньшевизма, ушел нехорошо, порвав все не только политическое, но и личные связи с своими старыми товарищами. Но, зная Мартынова, я думаю, что он дорогою ценою заплатил за такой уход. Конечно, он, человек неиссякаемого оптимизма, подбадривался и подхлестывал самого себя в новой среде, из которой ему уже некуда было податься. Можно поверить, что он «бурно радовался каждой новой социалистической стройке», «страстно верил и ждал революционных боев рабочих против фашизма». Но за всей этой «бурной» радостью он, ведь, не мог скрыть от самого себя, что не нашел в большевистской диктатуре того, чего искал. Ведь, в своих украинских «впечатлениях и размышлениях» он сам честно признавался, что «прозрел» насчет большевизма собственно лишь тогда, когда Ленин объявил нэп, и когда он, Мартынов, уверился, что отныне, на основе восстановления мелкой крестьянской собственности и ставшего возможным примирения с крестьянством, начнется полоса ликвидации террористической диктатуры, восстановления свободы и организованного рабочего движения и т. д. Но складилось не так, яко на Украине ждалось. И действовать «коммунисту» Мартынову пришлось преимущественно под фельдфебельским сапогом тупой и бездушной сталинской диктатуры. Надо было совсем не знать Мартынова, чтобы не понимать, насколько все существо его должно было бунтовать против возведения Сталина в величайшие гении современности и против по-

давления всякой духовной свободы! Но бунтовать Мартынов — впервые в своей жизни! — мог уже лишь «про себя». Возврата не было: он сжег за собою все мосты. Ему не оставалось ничего иного, как встать в ряды тех, кто подчиняет свою «вольную мысль» команде диктатора, — и вряд ли самый злой недруг Мартынова мог придумать для него «казнь мучительней».

Вот почему переход к большевизму оказался для Мартынова равносильным политической и идейной смерти. Кто будет помнить, кого интересуют уже сейчас его писания «большевистского» периода? Какую свежую, творческую мысль внес он в коммунизм, к которому примкнул? Ведь, даже официальные некрологи не могут сказать на этот счет ни одного слова и потому все сплошь видят единственную «заслугу» Мартынова в том, что он «порвал с меньшевизмом» 13 лет тому назад.

Не в «коммунистической» работе Мартынова, а единственно в том, что он «был» меньшевиком, — его право на память и место в истории русского и междуна-

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

О ЗАДАЧАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Программная статья т. Дана о политических задачах нашей партии («С. В.» № 8 и № 9-10) поднимает ряд важных вопросов. Попытку подвергнуть новой проверке политическую линию российской социалдемократии в свете новых процессов и явлений, имеющих место, как в международном окружении, так и в самой России, можно только приветствовать. К сожалению, политическая ориентация, которую тов. Дан намечает для нашей партии, представляется нам ошибочной в своих теоретических предпосылках и тактических выводах. По крайней мере, многое в его политической концепции кажется нам неясным и противоречивым.

«ХАРАКТЕР ЭПОХИ» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ.

Вполне правильно вопрос о политической ориентации нашей партии т. Дан считает необходимым вдвинуть в более широкие рамки проблематики мирового развития и международного рабочего движения. Несомненно, то или иное, выведенное из анализа действительности, представление наше об общем характере переживаемой исторической эпохи имеет — должно иметь — известное ориентирующее значение при постановке и разрешении очередных политических задач нашей партии. Но т. Дан идет дальше. Он полагает, что не только для общей стратегической установки, но и для тактической линии нашей партии в каждый данный момент характер переживаемой нами эпохи должен иметь определяющее и даже решающее значение. По случаю 15-летнего юбилея «апрельских тезисов», принятых на излете военного коммунизма, т. Дан считает нужным подчеркнуть, что данная в них Мартовым оценка переживаемой нами эпохи, как «эпохи надвигающегося крушения капитализма», давала нашей партии «возможность тактически ориентироваться... на всех многообразных этапах исторического процесса». Для политической ориентации т. Дана в русском вопросе и сейчас «решающее значение... имеет то, что мир держит курс на гигантские потрясения». Мы же считаем неправильным **растворять конкретность текущего момента в «общем характере» целой исторической эпохи**, как и обратно: **окрашивать целую историческую эпоху в цвета текущего момента**.

Помнится, еще летом 1906 г., после разгона 1-ой Гос. Думы, Вера Засулич на собрании меньшевистского «штаба» в Териоках подробно развивала ту мысль, что поражение нашей первой революции есть лишь эпизод в наступившей исторической полосе войн и революций, которые по своей интенсивности и размаху превзойдут гигантские потрясения, последовавшие за великой французской революцией. Предвидение Засулич оправдалось. Но полоса «критического развития», открывшаяся русско-японской войной, охватила ведь и первую русскую революцию и «тихое» лихолетье столыпинской реакции, и период полного затишья рабочего движения и время бурного его разлива после ленинских расстрелов, и мирную интермедию 1905-1912 гг., и войны — балканскую и мировую. Тактическая ориентация нашей партии естественно должна была учитывать — и в отличие от большевиков действительно учитывала — не только «общий характер исторической эпохи», но и особенности и потребно-

родного социалистического движения. Это говорят нынешние товарищи Мартынова по коммунизму, и это — правда. Потому что, когда эта история будет вспоминаться о Мартынове, она будет вспоминать о нем не как об одном из подневольных редакторов «Коммунистического Интернационала», а как об авторе «Двух диктатур», «Революционных перспектив» и других брошюр и статей, в которых Мартынов подводил теоретический фундамент под воззрения меньшевизма и вооружал его тем идейным оружием, которое дает ему и по-сейчас еще возможность революционно-пролетарски ориентироваться на каждом новом этапе исторического развития, но в то-же время не капитулировать идейно перед переживающим себя и вырождающимся большевизмом. И, несмотря на печальный конец Мартынова, эта подлинная историческая заслуга его позволяет нашей партии, перед разверстой могилой, вспомнить с благодарностью того, кто был когда-то одним из самых преданных служителей ее.

Ф. Дан.

сти каждого этапа развития (напр., период так наз. «ликвидаторства»).

То же относится и к переживаемой нами эпохе, истоком которой является мировая война. И эта новая эпоха охватывает разные этапы — войны и мира, Версаля и Локарно, послевоенной разрухи и небывалого расцвета производительных сил, сменившегося новым чудовищным кризисом, повсеместного расцвета демократии и роста фашизма, революций и контр-революций. Тов. Дану, с одной стороны, не чуждо сознание того, что оценка целой исторической эпохи не должна покрывать и упразднить оценку «текущего момента», и что на каждом новом этапе многообразного исторического развития российская социалдемократия должна отвечать «не простым повторением формул 20-го года». Но, с другой стороны, политическая мысль его оказывается неизменно замороженной видением «общего характера исторической эпохи», продолжая поэтому варьировать все те же формулы 20-го года «на каждом новом этапе развития».

Только эта замороженность оценкой «общего характера» переживаемой нами эпохи, как эпохи гигантских потрясений во всем мире — истина, впрочем, самоочевидная — объясняет склонность тов. Дана изолировать, обобщать и доводить «до логического конца» намечающиеся в сложном и противоречивом ходе развития отдельные тенденции, «созвучные» этой катастрофической оценке нашей эпохи. Только поэтому, напр., триумф фашистской диктатуры в одной из самых передовых стран капиталистического мира, в Германии, является для т. Дана «непререкаемым» свидетельством того, что «противоречия этого мира затягиваются в такой крепкий узел, который уже не может быть развязан мирными методами демократии, а может быть лишь разрушен мечем — войн и революций, возможно — и войн и революций». Эта универсализация фашистской тенденции, связанная логически с фаталистической уверенностью в неизбежности повсеместной победы фашизма, если ее не удастся предупредить, так сказать, **превентивной социальной революцией**, приводит тов. Дана к выводу, что в грядущих гигантских потрясениях «не свободному состязанию в рамках демократического парламентаризма или международных демократических учреждений, а открытому столкновению сил и насилию будет принадлежать решающее слово». Историческая ставка в этом столкновении «будет не «фашизм или демократия», а «капитализм или социализм».

Эта точка зрения исключает, в сущности, для всех без разбора стран — независимо от их исторических традиций, от их социально-экономической структуры, от их культурно-политического уровня — **борьбу за демократию**, за ее сохранение или революционное отвоение, **вне социальной революции**, как задачи «текущего момента». Даже сейчас, на самой низкой точке мирового экономического кризиса, только начинающего переходить в стадию депрессии, и на самой высокой точке взмета фашистской волны, концепция т. Дана для ряда стран находится в противоречии с реальной действительностью. Центральная Европа не покрывает собою всего мира... Усвоение этой точки зрения рабочими партиями означало бы их переход либо к лудистской тактике форсирования социальной революции с полным игнорированием условий времени и места, либо на позиции фаталистически-пассивного ожидания «случайного часа» великого катаклизма.

СОЦИАЛИЗ И ДЕМОКРАТИЯ.

Отрицание для эпохи позднего капитализма демократического пути к социализму, который отнюдь не исключает, кстати, «открытого столкновения сил» и применения демократической властью самых решительных мер по отношению к врагам демократического режима, т. Дан пытается теоретически обосновать... неразрывной связью, существующей между социализмом и демократией. Вполне справедливо подчеркивая, как «неоспоримую истину», что **социализм немислим без демократии**, он, для политической ориентации пролетарского движения в переживаемую историческую эпоху и, в частности, для успеха его борьбы за демократию, считает **решающей** «другую, не менее неоспоримую истину: **демократия уже немислима без социализма**».

Но как раз эта вторая истина отнюдь не кажется нам неоспоримой. Она верна в пределе, для эпилога целой исторической эпохи, у порога которой мы только стоим. Но для ряда стран европейских и, особенно, внеевропейских демократия является — или может еще стать — реальностью на изрядный срок. Для ряда стран далеко еще не утратило своего значения известное положение Г. В. Плеханова, высказанное в его основополагающей работе: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.): «Кто хочет совместить во времени политическую и социалистическую революцию, на деле откладывает наступление той и другой». Иначе говоря, демократия мыслима еще не только, как политическая форма **победившего социализма**, но и как политическая форма раздираемого классовыми противоречиями буржуазного общества, в которой пролетариат находит, или может найти, максимально благоприятные условия для своей **борьбы за социализм**. Дело не меняется оттого, что даже реформистские партии пролетариата вынуждены теперь подводить под свою борьбу за демократию, угрожаемую фашизмом, фундамент, часто весьма радикальных, «планетских», обуздывающих финансово-промышленную олигархию, социально - экономических требований. Альтернатива: **фашизм или демократия** далеко не везде и далеко не всегда становится равнозначной альтернативой: **капитализм или социализм**. Антифашистская мобилизация средних классов в защиту демократии едва ли может быть отсрочена до перехода их «на точку зрения пролетариата», т. е. до принятия ими программы «интегрального социализма». Неслучайно французские коммунисты, взяв на себя — пусть с задней мыслью захвата власти — инициативу создания широкого «народного фронта» против фашизма, оказались в формулировке социально - экономической программы этого фронта куда умереннее социалистов, настаивающих на немедленной социализации ключевых отраслей промышленности.

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ.

Опираясь на свою оценку общего характера нашей эпохи, как эпохи крушения капитализма, и на свой тезис о невозможности в эту эпоху демократии без социализма, тов. Дан «именно будучи убежденным демократом»... выступает против политики **немедленной интегральной демократии в России**.

В доказательство этого своего парадоксального решения русской политической проблемы тов. Дан приводит сначала старые «апрельские» аргументы 20-го года, из них же главный тот, что «лозунги, противостоящие режиму террористической диктатуры режим демократической республики, на деле... неизбежно будут служить защитным прикрытием для сил контр-революции». Этот аргумент не раз за истекшие 15 лет подвергался критике нашим течением. С таким же точно основанием надо было бы отказаться от лозунга 8-ми часового рабочего дня, который с демагогической целью выкинул в свое время Деникин, или же от лозунга советов, который за потребу реакции «усвоил» Кирилл Владимирович.

Но сейчас нас интересует не архивная, не «традиционная», как выражается т. Дан, аргументация от апрельских тезисов, а его **новый «решающий»**, по его мнению, аргумент: «как и во всем мире, и даже еще больше, чем во всем мире, «интегральная демократия» возможна в Советском Союзе лишь на основе «интегрального социализма». Лишь победа социализма «восстановит и создаст почву для утверждения «развернутой демократии». Пока этой победы нет, «пока весь капиталистический мир переживает «переходный период», а с ним вместе, хотя и в иных формах, такой же период переживает Советский Союз, лозунг **интегральной демократии, политический опасный, и по существу является утопией и самобманом**».

Так вот к какому выводу привели всемирно-исторические рассуждения т. Дана! Силлогизм формально безупречный. **Большая посылка:** интегральная демократия возможна лишь при интегральном социализме; **малая посылка:** в Сов. России интегрального социализма еще нет и быть не может *); **вы-**

вод: лозунг интегральной демократии в России является политически опасным и утопическим.

Но безупречность этого силлогизма только **кажущаяся**. Внутренний порок его заключается в «большой посылке». Разумеется, **идеальная демократия** возможна только с уничтожением наемного рабства, социального неравенства и классового деления общества, т. е., в строе интегрального социализма. Но когда наша партия, еще не поделившаяся на большевиков и на меньшевиков, выставила в своей программе 1903 г. требование **последовательного народовластия**, разве она не знала, что идеальная, совершенная, «развернутая» демократия, одинаково политическая и экономическая, возможна только при социализме? Прекрасно знала, и тем не менее, в согласии со всем международным социализмом, она противопоставила абсолютизму и цензовому либерализму требование последовательной демократии на началах четыреххвостки и парламентаризма. Эту же — не идеальную, но предельную, не социалистическую, а политическую, «формальную», всепартийную демократию защищает сейчас международный социализм (во Франции даже при — пусть неискренней — поддержке коммунистов) против посягательств фашизма.

Ведь когда идет вопрос о борьбе за демократию в Сов. России лозунгу «урезанной демократии» мы противопоставляем, как очередной лозунг, не требование идеальной социалистической демократии, а требование развернутого народовластия, скажем, швейцарского образца. Станет ли т. Дан утверждать, что осуществление **такой «земной» демократии** является для России опасной утопией, поскольку — и пока — в ней нет «интегрального социализма»? Или будет стоять на своем: **полусоциализму «переходного периода»** впору только **полудемократия?**

И что это за политико-архитектурная склонность к симметрии? Есть эстеты, которых раздражает однобашенность знаменитого Страсбургского собора: обязательно надо для симметрии вторую башню надстроить! Но в политике, как впрочем и в архитектуре, симметрия отнюдь не является повелевающим законом...

После провозглашения Сталиным реформы советской конституции на началах заурядной формальной демократии (четырёххвостка, парламентаризм) мы писали в «С. В.» № 5-6 («Вершины демократии» или плебисцитарная диктатура): «Возврат большевиков, пусть фиктивный, на путь формальной демократии устривает одно из разногласий, с самого начала советской власти разделявших **нашу партию**». Неужели мы ошибаемся?

Развернутая демократия имеет **два аспекта:** государственное устройство (народное представительство, четырёххвостка, парламентаризм) и гражданские свободы (неприкосновенность личности, свобода слова и печати, свобода совести, право коалиций). В отношении **государственного устройства** сталинская реформа советской конституции стала (повторяем: фиктивно) на путь последовательной формальной демократии. Как раз т. Дан видит в этой демагогической уловке диктатуры какие то реальные «защелки» для политической деятельности нашей партии в народных низах. Так что же, — не собирается ли т. Дан, из верности формуле: «вне интегрального социализма нет места интегральной демократии», объявить политически опасной политику превращения сталинской формальной демократии в действительность? Что же, — социалдемократия должна, в борьбе с диктатурой, требовать сохранения избирательных ограничений, многостепенных, неравных и открытых выборов? Очевидно, нет!

Или «урезанные» лозунги должны сохранить свою силу в другой области — в аспекте индивидуальных и коллективных **гражданских свобод**; — до «общей мировой победы» социалистического пролетариата? Ибо, по свидетельству т. Дана, «одними внутренними силами своими отсталая Россия «построит социализм» у себя, конечно, не может». Но и эту тактическую установку надо признать опасной — для нашей партии, для российского пролетариата и для всей страны.

Сразу бросается в глаза противоречие: если можно и должно требовать превращения сталинской фикции всеобщего избирательного права в реальность, то как можно ограничить часть законных избирателей в отношении их личных и коллективных гражданских свобод? И **кого именно ограничивать** в правах? Тов. Дан сам отмечает, как благоприятное условие для борьбы за демократию, притом за «интегральную демократию», «отсутствие в Советском Союзе капиталистической буржуазии в широком смысле этого слова... класса, который в данную историческую эпоху всюду более или менее фашизируется». Ограничение гражданских прав **крестьянства**, разумеется, не может входить в тактическую ориентацию тов.

— наша партия не может ставить себе утопической задачи непосредственного осуществления интегрального социализма», а только должна поддерживать элементы возможного развития к социализму, заложенные в советской экономике переходного времени.

*) «В своей борьбе за демократию, — констатирует т. Дан,

ЗАГРАНИЦЕЙ

СЪЕЗД ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Дана. Совершенно справедливо отказываясь зачислять весь колхозный сектор крестьянского хозяйства «по социалистическому ведомству», т. Дан наперед учитывает, как один из вариантов развития, опасность смычки переродившегося аппарата диктатуры с мелкой буржуазией города и деревни «через голову пролетариата и против него» в форме советского бонапартизма или фашизма. Но идейно-политическое воздействие пролетариата на крестьянство в целях предотвращения этой опасности т. Дан, разумеется, не мыслит себе в форме ограничения гражданских и политических прав крестьянства. Остается новое служилое сословие — «слой бюрократов, служащих и т. п.». В своих статьях о «Знатных людях» т. Дан указал уже на то, что этот слой, в зависимости от мировой и внутриросийской эволюции, может сыграть либо роль авангарда фашизма или бонапартизма, либо роль авангарда социалистического строительства. Как ни относиться к этой характеристике нового служилого сословия, но, видимо, в тактические расчеты т. Дана не входит ограничение его в правах. Кто же остается? Никто!

Но может быть ограничения должны коснуться не людей, а идей? Свободы для социалистов? Ну, а как же быть с «мелкобуржуазным», хотя и «принявшим» колхозы, крестьянством? Допустимо ли образование крестьянских союзов или партий на платформе, скажем, политической демократии, независимой крестьянской кооперации и отказа от огульной национализации промышленности?

Но если ни в аспекте государственного устройства, ни в аспекте гражданских свобод для урезывания лозунгов развернутой демократии, для дозирования народовластия и свободы нет ни основания, ни оправдания, то к чему же это политическое мальтузианство, к чему это цепляние за урезанные лозунги, опрокинутые жизнью, к чему это побивание «формальной демократии» формальной логикой?

Программная статья т. Дана о задачах российской социал-демократии не облегчает, таким образом, а затрудняет правильную постановку и разрешение политического вопроса о демократизации Сов. России. Наша партия совершит самоубийство, если и сейчас, в изменившихся условиях, 15 лет спустя после окончания гражданской войны, после геологических изменений в социальной структуре страны, в обстановке мирового похода диктаторской идеологии фашизма на демократию, станет возвещать, что требование развернутой демократии есть «политически опасное и по существу является утопией и самообманом». В 1922 г. ни т. Дан, ни т. Мартов так не думали.

Тов. Дан констатирует, что историческая миссия нашей партии «вся еще в будущем», и что сейчас она представляет собою «почти исключительно не практически-политическую, а идейно-политическую силу». Но именно поэтому отчетливую и реалистическую формулировку политических задач нашей партии приобретает особое значение, как условие ее превращения в практически-политическую силу. Мы все учились у Маркса тому, что «один шаг действительного движения важнее дюжины программ». И для разрывания политической активности русского пролетариата и других трудящихся классов наша партия должна поддерживать самые куцые, урезанные требования этих классов, идущие в направлении развернутой демократии. Но было бы сущим несчастьем для нашей партии и ее будущего, если бы мы здоровый реализм и даже оппортунизм в условиях «действительного движения» подменили доктринерским урезыванием наших политических требований в угоду надуманной схеме, допускающей для «переходного периода» лишь урезанную демократию, а развернутую, «интегральную» демократию относящей к далеким временам «интегрального социализма».

Мера реализованной демократии определится в пореволюционной России обстановкой, в которой произойдет ликвидация большевистской диктатуры, соотношением классовых сил к моменту ликвидации, в частности и, в особенности, организованным давлением рабочего класса и вообще трудящихся масс. В свою очередь, сила и направление этого давления будет в немалой степени зависеть от усвоения массами трудящихся ясно сформулированного нашей партией требования замены режима террористической диктатуры строем последовательного народовластия и свободы для всех.

П. Гарви.

Контора «Соц. Вестника» просит лиц, имеющих лишние № № журнала «Соц. Вестник» за годы 1921-1932, предоставить их в распоряжение конторы бесплатно или же за небольшую плату. Расходы по пересылке будут оплачены конторой.

Съезд французской социалистической партии, заседавший 9-12 июня в Мюльгаузене подвел итоги очень бурному году. Напомним несколько дат.

Фашистский бунт 6 февраля. Ему, конечно, предшествовал ряд мелких выступлений и демонстраций фашистских групп. Но съезд заставил и слепых увидеть, что республика в опасности. Через шесть дней, 12 февраля, всеобщей забастовкой и грандиозными демонстрациями рабочие показали фашистам, что готовы на odpor. В июле был заключен между социалистами и коммунистами договор об «едином фронте». В ноябре пало министерство Думерга. Социалисты заявили свою готовность оказать неограниченную (вплоть до участия) поддержку такому правительству, которое предпримет решительную борьбу с фашизмом. В мае состоялись муниципальные выборы. Они прошли под лозунгом борьбы с кризисом и фашизмом и закрепили позиции обеих пролетарских партий. Благодаря отказу коммунистов от старой братоубийственной тактики, удалось завоевать ряд новых округов и городов. Наконец, последние недели ознаменовались двойным министерским кризисом: падением кабинета Фландена и эфемерным существованием правительства Буниссона. По инициативе социалистов и коммунистов была сделана попытка сближения и согласования действий всех левых партий. Социалисты вновь заявили о своей готовности поддержать левое правительство. Но банки и биржа объявили войну всколку будущему левому министерству: золото стало рекой утекать из подвалов Банк де Франс, была организована финансовая «паника». Радикалы и на этот раз оказались несостоятельными на решительное противодействие финансовым магнатам и снова предпочли «священное единение» левому кабинету. Образовалось новое министерство под председательством московского победителя Лавалея, в котором участвуют и два отщепенца социализма: Фроссар, бывший основатель коммунистической партии, при возвращении в социалистическую ставший одним из лидеров ее правого крыла, и Эрнест Лафон, также бывший коммунист, затем «люмпинист», потом снова социалист и, наконец, нео-социалист, ныне и из этой партии исключенный.

Все эти события, подчас полные трагизма, а подчас разгравляющиеся в порядке закулисных интриг, происходят на фоне все обостряющегося экономического кризиса, все увеличивающегося бюджетного дефицита и не прекращающейся военной опасности. Страна охвачена недовольством. Сократить бюджетный дефицит ни одно правительство оказалось не в состоянии. Все ставят себе целью ослабить кризис, но никто не может предложить сколько-нибудь серьезной меры. Между тем, если выборы и показали, что фашизм не имеет глубоких корней в избирательных массах, то не подлежит сомнению, что фашистские настроения в стране имеются, и что «технически» фашизм готовится к новому наступлению. В то же время кризис французского радикализма показывает, что партии буржуазной демократии уже не в состоянии отстаивать республиканские свободы. Тяжесть борьбы за демократию и за вовлечение в эту борьбу и широких мешанских масс города и деревни приходится принять на свои плечи рабочим партиям.

Оказалась ли социалистическая партия на высоте этой трудной и сложной задачи? Что готова она предложить народным массам и как собирается осуществить эти задачи?

Эти вопросы стояли в центре внимания съезда даже тогда, когда формально обсуждались другие вопросы. Партия давно уже пришла к заключению, что только социалистическое правительство будет в состоянии преодолеть сопротивление финансовой олигархии и реакции всякими мерами, облегчающими положение народных масс. «Мы требуем власти!» — этот лозунг фигурирует в воззваниях партии уже несколько лет подряд. Лозунг этот — не просто вывод из общих теоретических взглядов, он вытекает из всего положения, описанного выше.

Когда три года тому назад партия предложила радикалам, победившим на выборах, свою поддержку при условии принятия ими ряда мер, указанных в их-же собственной радикальной программе, она наткнулась на пренебрежительный ответ лидера радикалов Эррио. Не прошло и двух лет, как радикалы оказались вынужденными передать власть правым элементам. Это банкротство радикалов (вторичное, ибо в аналогичных условиях и после победы «левого блока» в 1924 году радикалы сдали власть Пуанкаре!) отрезвило многих социалистов, слывших до сих пор убежденными сторонниками коалиции.

На съезде почти не было разногласий насчет необходимости собрания масс на почве лозунгов защиты демократических свобод от покушений фашиствующей диктатуры и за-

щиты трудящихся от политических, экономических и социальных последствий кризиса. Эта задача — указывает принятая резолюция — может быть выполнена сообща с другими пролетарскими и крестьянскими организациями. В этих видах должны быть, между прочим, использованы пролетарские и анти-фашистские муниципалитеты. В виду же полнейшей неспособности нынешнего парламента сделать что бы то ни было для смягчения участи масс, партия должна начать кампанию за роспуск палаты и в то же время выработать, при помощи специалистов партии и на основе мер, намеченных прошлым годом, Тулузским съездом и «рабочим планом» Генеральной Конфедерации Труда, программу ближайших требований партии. Эта резолюция о «непосредственных задачах» была принята почти единогласно: против нее голосовали лишь троцкисты и большинство делегатов Ронской федерации (Лион). Резолюция эта должна быть положена в основу собрания масс для образования того «народного фронта», о котором до сих пор больше говорили, чем осуществляли его на деле и насчет которого партия четкой позиции не имела.

Как можно было предвидеть, не удалось достигнуть единогласия по общему вопросу о завоевании власти (или, как в партии предпочитают говорить, «взятии» власти) и борьбе против кризиса. Но при этом впервые линия раздела прошла посредине левого крыла, группировки «Батай Социалист» («Социалистическая Борьба»), во главе которой наряду с Жиромским, стоял до недавнего времени товарищ генерального секретаря партии Северак, депутат Севера Лэба, и к которой примыкали фактически и генеральный секретарь Поль Фор, и ряд других товарищей, борющихся с будущими нео-социалистами и в последнее время руководивших партией.

Жиромский оказался сейчас в меньшинстве, получив немного более четверти мандатов. Это меньшинство ставило в упрек руководителям партии их «прохладное» отношение к единству действий с коммунистами, обвиняя их в том, что они не столько поддерживают движение единства, сколько терпят его. Большинство этот упрек отвергало, указывая, что оно старается лишь и в движении единства сохранять свое, социалистическое лицо. Другим пунктом разногласия был вопрос о методах завоевания власти. Группа «Батай» считает в настоящих условиях невозможным такое завоевание мирными, парламентскими методами и требует поэтому вооружения народа. Большинство отвечает на это указанием, что оно отвергает возможность завоевания власти конспиративно подготовленной атакой (хотя и Жиромский все время протестует против такого истолкования выдвигаемых им требований). Меньшинство требует, в согласии со своими общими взглядами, реорганизации партии в сторону усиления централизации. Большинство отвергает отказ от старой системы децентрализации, заявляя, что и нынешний аппарат способен предпринимать быстрые и решительные действия. К резолюции большинства, составленной Лэба, примкнуло и правое крыло партии.

По вопросу об участии в правительстве меньшинство отвергает какие-бы то ни было комбинации, основанные на соотношении сил парламентских фракций. Большинство, подтверждая старые постановления партии по этому вопросу, тоже отрицательно относящиеся к идее коалиции, одобряет в то же время поведение парламентской фракции и Административной Комиссии партии в ходе двух последних кризисов, т. е. как указано выше, обещанную ими всяческую поддержку (вплоть до участия) правительству, готовому бороться с фашизмом и кризисом.

В сущности, разногласия между большинством и меньшинством обнаруживались в прениях больше, чем в текстах резолюций. Нет сомнения, что в партии происходит большая работа мысли. При отсутствии теоретического журнала и общи фракционных («тенденций») органов, разногласия во французской партии всегда принимают форму резкой полемики, и прения на съездах бывают очень горячие. Голосование же часто имеет больше значение символического жеста, чем высказывания по существу. Можно ли было, напр., отрицать, что за последний год парламентская фракция почти во всех случаях сообразовывала свое поведение с политической партией? Но многие были несогласны с тем, что она голосовала за договор с Италией; что она воздержалась по вопросу о «пассивной обороне». Другие хотели протестовать против заявления Блюма, что, в случае нападения гитлеровской Германии, все пролетарии окажут ей сопротивление. И т. д. И все, чем либо недовольные, голосовали против отчета фракции. С другой стороны, значительная часть делегатов, бывших против общей политики партии, голосовала тем не менее за отчет секретариата бюро по соображениям формального порядка: нечего, мол, осуждать за прошлое, бюро выполняло поручения партии.

Место не позволяет остановиться подробнее на отдельных моментах съезда. Упомянем вкратце, что Фроссар был единогласно исключен из партии по инициативе федерации, к

которой он принадлежит. В высшей степени интересен и поучителен был рассказ Блюма о переговорах с радикалами и о маневрах коммунистов, не хотевших идти в министерство, но поставивших социалистов в такое положение, что, если бы радикалы согласились на левый кабинет, социалисты были бы вынуждены войти в него. Съезд подтвердил старую резолюцию в пользу избирательного права женщин, принял постановление о светской школе и протестовал против того, что в Эльзас-Лотарингии школа до сих пор находится в руках духовенства. Была избрана комиссия, которой поручено выработать основные принципы организационного объединения с коммунистами. Отчет делегации партии в Интернационале был одобрен съездом, одобрявшим тем самым и участие делегатов партии в той декларации «семи», которая была оглашена на последнем заседании Исполкома РСИ*).

Ближайшее будущее, когда придется претворять резолюции съезда в действия, покажет, насколько съезд оказался плодотворным. Как всегда, он обнаружил высокую степень политической зрелости членов партии, действенный характер самой партии но вместе с тем и ее осторожность. Партия не поставила в порядок дня съезда вопрос о войне. Как указал Блюм, коммунисты значительно приблизились в этом вопросе к социалистам. Принятая резолюция очень осторожно, намеком, протестует против порицания, выраженного секретарем (?) Коминтерна той оппозиции, которую обе партии французского пролетариата оказывают милитаристской политике французского правительства. Но в вопросе о войне, вернее — в вопросе о «защите родины» в партии имеется целая гамма мнений. Без основательной подготовки решение этого важного вопроса было бы чисто случайным, и партия предпочла пока вовсе не обсуждать его.

Центральные инстанции партии были, как всегда, избраны на основе пропорционального представительства. В них вошло несколько новых товарищей, но все старые руководящие фигуры остались на своих местах.

Я. Пескин.

ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ О МЕЖДУНАРОДНОЙ КЛАССОВОЙ ПОЛИТИКЕ.

Заслушав доклад т. Модильяни о последнем заседании Бюро РСИ, ЦК итальянской социалистической партии принял следующую резолюцию:

«ЦК ИСП одобряет воздержание от голосования своего делегата в заседании Бюро РСИ от 7 мая по резолюции о международном положении.

«Это воздержание от голосования имеет в настоящих условиях характер предостережения по адресу партий, которые, но каким бы то ни было соображениям или в силу каких бы то ни было иллюзий, занимают позицию, грозящую увлечь их на путь политики, не соответствующей принципам и требованиям социалистического интернационала.

«В виду такой опасности, наличие которой подтверждается вызывающей большую тревогу новой политикой Третьего Интернационала, нашедшей себе выражение в заявлении его вождя, ИСП, памятуящая о трагическом уроке 1914 года и верная духу Циммервальской традиции, поручает своим представителям в Исполкоме РСИ настаивать на необходимости политики, которая, с одной стороны, учитывала бы те новые проблемы, которые ставит перед социалистическими партиями защита Советского Союза, но, с другой, находилась бы в полном соответствии с только что подтвержденным Бюро РСИ пожеланием: «во что бы то ни стало, не допустить капитализм использовать военную опасность в качестве предлога, чтобы вовлечь рабочий класс в политику буржуазии и отклонить его от борьбы за его подлинную задачу — освобождение угнетенных классов и народов».

ПО РОССИИ

МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ АМЕРИКАНСКОГО КОММУНИСТА.

В июньской книжке известного американского журнала *Harper's Magazine* появилась любопытная статья Евгения Ляйонса, пробывшего в Москве шесть лет корреспондентом известного американского телеграфного агентства «Юнайтед Пресс». Мы приводим из нее ряд выдержек в сокращенной передаче. **Ред.**

«Юнайтед Пресс» — крупно-капиталистическое предприятие, обслуживающее ряд крупнейших американских буржуазных газет. Когда Ляйонс в 1928 году принял предложенный ему пост, он был ярым коммунист, член К. П. Америки, и назначение свое он принял с ведома и согласия ньюйоркской партийной организации и Коминтерна, для того, чтобы использовать эту «стратегическую позицию» для информирования американского общественного мнения в коммунистиче-

*) Эту декларацию пишущий эти строки защищал и на съезде Сенской федерации.

ском и советском духе. Готовясь к своей поездке, Лайонс отдавал себе отчет в том, что он в Москве увидит много тяжелого, трагического, неприглядного. Но он дал себе твердый зарок не поддаваться «интеллигентскому миндальничанию» и не руководиться внешними впечатлениями. Он твердо запомнил, что революций без крови и жертв не бывает, что Россия отсталая страна, что революционное развитие идет зигзагами, и что народные страдания и кровь — это та неизбежная цена, которую история взимает со всякой революции. И он твердо решил про себя: «Что бы ни случилось, никогда не буду критиковать советского строя. Какие бы разочарования я ни испытал от соприкосновения с большевистской действительностью, я свои чувства буду держать про себя».

Но действительность оказалась все же иной и более ужасной, чем Лайонс себе представлял. Разочарования начались уже по пути в Москву. В Берлине приятели-коммунисты поговаривали ему не встречаться в Москве с известным московским корреспондентом американского левого журнала, подпольным по троцкизму. Когда он прибыл в Москву, ему в первые же дни дали понять, что с целым рядом людей лучше не встречаться, ибо они неблагоприятны по части всяческих уклонов. Через несколько дней он убедился, что и он сам не совсем желательное знакомство для целого ряда старых друзей: с «корреспондентом буржуазной газеты» лучше не вести знакомства и не встречаться. Так аргументировали американские товарищи-коммунисты, жившие в «Люксе». А русских и говорить нечего: те прямо падали в обморок, когда в их телефоне раздавался его голос.

Коммунистический энтузиаст Лайонс, рассматривавший свою работу в капиталистической прессе, как партийное задание и личную жертву, оказался по отношению к своим же собственным товарищам в положении презираемого и отверженного «изгой». Но он скрепя сердце пошел и на эту жертву: какое значение имеют личные переживания по сравнению с величием революции?

«Стратегическая позиция», которую он занимал, была очень важна с советской точки зрения. В американской политической жизни велась борьба за и против признания советского правительства. В социалистических и рабочих кругах шли непрерывные дискуссии по вопросу о развитии советской России, об успехах или провале «пятилетки» и т. п. И Лайонс со всей своей энергией принялся осведомлять общественное мнение Америки в должном духе. Он немедленно передавал по телеграфу и в самых ярких красках расписывал всякий «успех»; он при помощи длинных комментариев и объяснений смягчал и замазывал всякую неудачу, планомерно и сознательно замалчивая все то, что могло бы создать в Америке неблагоприятное впечатление о положении дел в Советском Союзе. «Грязное белье революции», — полагал он, — не надо мыть публично. Не надо подрывать в пролетарских массах веру в Россию». Однако замалчивать решительно все было невозможно: надо было считаться с тем, что телеграфируют другие иностранные журналисты, и нельзя было вызывать подозрений у «хозяев», т. е. у Юнайтед Пресс. Но он чувствовал себя несчастным каждый раз, когда приходилось давать телеграммы о казнях, ссылках, о недостатке продовольствия и т. п. Стараясь, по возможности, «спасти положение», он такого рода телеграммы сопровождал оговорками, объяснениями, но тем не менее все же не мог избежать того, что подобного рода сообщения объявлялись в американских коммунистических кругах «анти-советскими измышлениями», «буржуазной ложью». Основная тенденция его информационной деятельности сводилась к тому, чтобы, по возможности обходя неприглядную действительность, концентрировать внимание читателей на розовых перспективах будущего, — оставляя в стороне те «издержки», с которыми эти перспективы связаны.

И тем не менее червь сомнения все больше и больше начинал точить душу Лайонса. Подлинно ли это розовое будущее готовит сталинская тактика? Следя изо дня в день за событиями в России, он видел, как постепенно замрает всякая свободная политическая мысль даже внутри компартии. Он видел, как расправились с троцкистами и другими оппозиционерами. Он с удивлением наблюдал, как от миллионов членов советских профсоюзов месяцами скрывали факт отставки их вождя — Томского. Затем наступил период «раскулачивания». Он видел, с какой жестокостью были разрушены миллионы крестьянских хозяйств; как на дальний север тянулись бесконечные вереницы «поездов смерти» с товарными вагонами, до отказа набитыми арестованными крестьянами с женами и малыми детьми. Ему неоднократно приходилось разговаривать с арестованными крестьянами, и он мог убедиться, что «кулаки» эти совсем не походят на тех разжиревших эксплуататоров, какими их изображали советские плакаты.

Он наблюдал, наконец, ту хозяйственную разруху, которая наступила в России в результате насильственного раскулачи-

вания, уничтожения доброй половины скота и т. п. Потом пошла полоса «процессов». Перед своим отъездом из Америки Лайонс написал книгу о процессе Сакко и Ванцетти. Книга эта была переведена на русский язык и разошлась в России более чем в 100.000 экземпляров. Когда он теперь в качестве корреспондента сидел в Ревтрибунале на «показательных процессах» и видел технику «революционного правосудия» — «с чистосердечными признаниями», «революционными» жестокостями и всеми прочими атрибутами крыленковской юстиции, то он не мог отделаться от мысли, что в Москве совершается та же фальсификация правосудия, которую он так жестоко бичевал в своей книге о Сакко и Ванцетти.

«Свирепый бесчеловечный террор», о котором писали противники советской власти, оказывался, к сожалению, реальностью.

Обуреваемый сомнениями, Лайонс пробовал беседовать «по душам» с разными приятелями-коммунистами. «Ну, что же тут такого? — ответил ему один иностранный коммунист, — ведь это же русские!» Второй собеседник содался на то, что «во время мировой войны погибло еще больше народу». А знакомый советский журналист цинично разсмееся: «Ну, чего там, — в России каждый год рождается 3 миллиона новых человек». Но эти ответы не могли успокоить его совести. Его моральный желудок оказывался недостаточно выносливым, чтобы переварить советскую действительность. «Издержки революции» оказывались непомерно высокими. Все положительные завоевания большевистской революции, на которых он так часто и настойчиво концентрировал свое внимание, оказывались недостаточными, чтобы закрыть собою оборотную сторону медали. Ведь и все бесспорные технические и культурные достижения буржуазного общества не оправдывают ужасов и страданий, причиняемых капитализмом Сквозь стену большевистских предрассудков, которыми Лайонс себя окружил, стала пробиваться мысль, что, может быть, все происходящее в России не имеет ничего общего с социализмом?! Скольке он ни убеждал себя в том, что «справедливость», «гуманность», «свобода» являются лишь уходом от действительности, ширмой, за которой мягкотелые интеллигенты занимаются предательством революции, — у него все же все чаще и чаще возникало сомнение: а не являются ли все эти отвлеченные понятия чем-то более реальными, нежели все тракторные заводы? И не является ли тупой фанатизм «справедливой жестокости» еще более жалким уходом от действительности, чем мягкотелые слова о гуманизме?

Внутренний разлад стал бессознательно для него самого сказываться и на телеграммах Лайонса. Американские товарищи все чаще и чаще бранили его за «анти-советские» сообщения. Однако, правительственные круги СССР в общем и целом оставались им довольны. И в 1931 году он был удостоен высочайшей чести: ему, в качестве первого иностранного корреспондента, разрешили получить интервью у самого Сталина.

Весной 1931 г. Лайонс вернулся на побывку в Америку. Заграницей в своих докладах и беседах ему снова пришлось вплотную столкнуться с вопросом: скрывать или говорить всю правду? В кругах коммунистических и близких к коммунистам он натолкнулся на много людей, которые бились над разрешением того же вопроса. Большинство после долгих колебаний становилось на точку зрения, что темные стороны большевистской революции надо прятать от чужих глаз, в особенности же от рабочего класса: не надо ее разрушать его иллюзий о социалистическом отечестве, ибо иллюзии эти имеют революционизирующую функцию. Но в Берлине он столкнулся со старым знакомым, чрезвычайно серьезным и образованным немецким коммунистом, который тоже только-что вернулся из Москвы: «Да, я знал, что ты там, но я нарочно к тебе не заходил... Я не могу смотреть прямо в глаза немецким рабочим и верить им, что в Советском Союзе все превосходно. Я все больше убеждаюсь в том, что это систематическое лгание опасно. Рабочие начинают терять к нам доверие... И это — вода на мельницу наци».

То же ощущение стало постепенно выкристаллизовываться и в душе Лайонса: в начале своего пребывания в России он чувствовал себя виноватым перед революцией всякий раз, когда ему приходилось давать заграничные сообщения, совсем благоприятные для советского правительства. Теперь же в нем возникало чувство вины перед русским народом каждый раз, когда он замалчивал или замазывал неприглядную действительность. Ведь в конце концов и русские — живые люди, а не только материал для исторических экспериментов. Тем не менее во время своего пребывания в Америке в Лайонсе победила старая коммунистическая закваска, желание «спасти лицо» и доказать своим слушателям правильность коммунистической тактики. А это означало замалчивание или даже прямое замазывание всего того, что могло в слушателях вызвать неблагоприятное представление о российской действительности.

Тем не менее ГПУ повидому что-то пронюхало: добрые друзья донесли куда следует. На обратном пути в Россию Лайонса, партийного коммуниста, заставили целую неделю дожидаться в Берлине советской в'ездной визы. Что это был не простой случай, Лайонс мог убедиться из разговора с Ворошиловым, который имел место несколько месяцев спустя, во время какого-то официального приема. «Я очень рад вас здесь видеть», — сказал ему Ворошилов. «Почему», — спросил Лайонс? «Видите-ли, — ответил ему Ворошилов, — мы слышали, что вы поругивали Советский Союз во время вашего пребывания в Америке, и многие думали, что вы пришли больше не возвращаться к нам. Но я заявить нет, этого не может быть, и оказался прав. Через некоторое время мы получили сведения, что первые донесения о вас были преувеличены, и что вы отзывались о нас благоприятно.

Должен признаться, — пишет Лайонс, — что это «признание» со стороны столь высокопоставленного лица вызвало у меня неприятное чувство. В эту минуту я понял, что может быть я действительно вел себя в Америке соответствующим образом потому, что в глубине души боялся закрыть себе дорогу в Россию.

Москва в это время была наводнена иностранцами. Некоторые приехали в качестве туристов, другие рассчитывали здесь пристроиться и остаться. Лайонс внимательно присматривался к ним. Лучше и спокойнее всего чувствовали себя те иностранцы, которые никогда не были социалистами и революционерами; им было в высокой степени наплевать на то, что происходило в самой России. Труднее всего приходилось тем гостям, которые у себя дома привыкли относиться критически и революционно ко всему происходящему, в которых жило чувство социальной справедливости. Они скорее других бунтовались против казенных формул и подавления свободной мысли. Репортеры буржуазных газет или представители иностранных фирм очень просто и легко мирились с порядками, господствовавшими в Советской России. Протестантами и оппозиционерами становились преимущественно наиболее идеалистические и совестливые элементы. Но и среди них было немало таких, которых одолевало искушение — безоговорочно преклониться пред Сталиным и освободиться, наконец, от вечных исканий и сомнений.

Лайонс и сам неоднократно испытывал это искушение и — как это ни странно — в этом направлении его толкал его капиталистический «хозяин» — Агентство «Юнайтед Пресс». По азбуке коммунизма и по классовому принципу полагалось, чтобы американские капиталисты, стоящие за «Юнайтед Пресс», требовали от своих корреспондентов анти-советской пропаганды. На самом же деле, «хозяева», руководясь своими непосредственными издательскими интересами, — требовали, чтобы их московский корреспондент поддерживал дружеские отношения с Наркоминделом и следовательно освещал советскую действительность в духе, приятном для советского правительства.

Вообще, Лайонсу часто казалось, что в отношении России установился своеобразный «заговор молчания»: лево-революционные или большевизанские элементы в Америке замалчивали советскую действительность сознательно, для того, чтобы не давать материала реакционно-фашистской пропаганде. Деловые круги старались не ссориться с советским правительством по своерачным целям; третьи, наконец, молчали потому, что боялись навлечь опасность на своих родственников и друзей в России.

Лайонс неоднократно пробовал примкнуть к тому хору славословия, который несся со страниц даже буржуазных газет в Америке. Но чем дальше, тем больше он чувствовал, что голос его звучит фальшиво.

Лайонс вторично вернулся в Америку в апреле 1934 года. К этому моменту большевизанство стало почти обязательной модой для всякого «приличного» интеллигента в Америке. На парадном банкете, устроенном в честь Лайонса редакцией «известного либерального еженедельника» (Нейшн? Ред.) температура внезапно упала до нуля, когда Лайонс в своей речи осторожно намекнул на то, что в Советской России не все то золото, что блестит. Глядя на враждебно надувшихся гостей, Лайонс подумал про себя, что ведь именно вот таких левых, наивных, свободолюбивых интеллигентов больше всего и бьют в той Советской России, которой они восторгаются. И ему представилось, что эта интеллигенция совершает над собой своего рода хара-кири, возбуждая в массах стремление к той политической тирании, которая господствует в России.

Лайонс ясно сознавал, что при создавшихся у него настроениях, которые оказывались сильнее всех его революционных софизмов, возвращение в Россию стало для него психологически невозможным. Личный вопрос, таким образом, разрешался чрезвычайно просто. Но не так просто было раз-

решить общественный вопрос: как же все-таки — говорить правду, или поддерживать иллюзии о Советской России?

В эпоху роста фашизма и реакции Советская Россия для многих сделалась символом революции и социализма. Но как быть, — спрашивал себя Лайонс, — если действительность в Советской России так далека от этого символа? Ведь если когда-нибудь обнаружится правда, то не окажется-ли, что, защищая большевистские ужасы, мы морально оправдывали и защищали фашистские зверства? Не окажется-ли, что техника властвования и методы управления так жутко сходны у фашизма и большевизма? Не будет-ли ясно, что в основе того и другого лежит незуветская формула: цель оправдывает средства?

Ведя бесконечные споры со своими коммунистически настроенными друзьями, Лайонс доработался, наконец, до вывода, что единственно правильная тактика по отношению к Советской России это — говорить правду и только правду. Вы все мне говорите об успехах, достигнутых в Советской России, — обращается Лайонс к своим друзьям, — «и вы полагаете, что промышленные успехи там были достигнуты благодаря «жестким методам» и благодаря тому, что у власти хватило духа пренебречь страданиями людей. Но это неверно. Успехи достигнуты не благодаря, а вопреки упомянутым методам, а все трудности за те годы, что я там был — недостаток продовольствия, товарный голод, деморализация технического персонала, апатия и глухое сопротивление крестьян, — все это явилось как раз прямым результатом чрезмерной большой «жесткости» по отношению к людям».

«Пройдут годы, может быть десятки лет, прежде чем советскому режиму удастся загладить тот экономический вред, который он нанес стране своей черезчур brutальной политикой в области сельского хозяйства и своими безумными преследованиями техников и интеллигентов. А если смотреть с социалистической точки зрения, то общественный ущерб еще больше хозяйственного. В сутолоке генеральной линии где-то затерялись идеалы первой эпохи большевизма, да и самое слово «идеалы» подвергается осмеянию, а мечты о равенстве превратились в «гнилой либерализм».

«А тем временем в России возникли новые классы — классы, собственность которых заключается не в капиталах, а в удобствах, привилегиях, власти... Возможно, что только новая революция сбросит господство этих новых классов, — революция, идущая из рядов самой диктаторской партии».

Но ведь все же в России господствует социализм, говорите вы?

«Да разве победа христианской церкви в средние века была победой христианских идеалов? Столь же мало и победа коммунистической партии в России является победой коммунистических принципов... Ведь важны не только мотивы, но и методы инквизиции».

И Лайонс приходит к заключению, что советский режим должен в полной мере взять на себя публичную ответственность за все свои деяния перед общественным мнением и, прежде всего, — перед рабочим классом всего мира. А это означает, — в момент, когда в самой России рабочие и даже коммунисты не имеют никакой возможности критики, а могут только кричать ура и целовать кнут, — что социалисты и друзья рабочего класса во всем мире должны сохранить за собой свободу критики по отношению к сов. правительству, что они обязаны, при всей своей приверженности к достижениям революции, говорить правду и разоблачать все то темное, что в России совершается, и что разрушает ту самую цель, к которой революция эта должна стремиться.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 2/6, 12/6, 18/6.

Отослано: № 9, № 37 и 38.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Знамя России, № 5 (69).

Der Kampf, № 6, Juni 1935.

Cahiers du bolchévisme, № 10-11.

Quatre premiers congrès mondiaux de l'Internationale Communiste. 1919-1923. Manifestes, thèses et résolutions. Librairie du Travail. Paris.

Gustave Dupin. M. Poincaré et la guerre de 1914. Librairie du Travail. Paris.

Léon Trotsky. La bureaucratie stalinienne et l'assassinat de Kirov. Libr. du Travail. Paris.

Boris Souvarine. Staline. Aperçu historique du bolchévisme. Librairie Plon. Paris. P. p. 574.

Le Combat Marxiste, № 20.

La Révolution Proletarienne, № 200.

Salomon Schwarz. Lénine et le mouvement syndical. Editions « Nouveau Prométhée ». Paris.